

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1972

Ю.Э.Брегель

К ИЗУЧЕНИЮ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ

(источники и их использование)

История Средней Азии в позднее средневековье (XVI–XIX вв.)¹ за последнее время начинает привлекать все большее внимание исследователей, однако в целом к ней и теперь можно отнести слова В.В.Бартольда, сказанные более 60 лет назад: "... история этих веков остается и до настоящего времени гораздо менее исследованной, чем было бы возможно по количеству и качеству находящихся в нашем распоряжении источников" ². При этом если Бухарскому ханству все же посвящена сравнительно обширная литература и его история изложена в ряде обобщающих работ, то Хивинское и Кокандское ханства до сих пор не заняли надлежащего места в работах историков ³. Это объясняется отчасти тем, что Бухарское ханство включавшее центральные, наиболее развитые культурные районы Средней Азии, большую часть этого периода играло ведущую роль

¹ Термин "позднее средневековье" здесь, конечно, условен и указывает только на то, что и в это время, которое для Европы в значительной части относится к "новой истории", в Средней Азии господствовали феодальные порядки. В данной статье всюду (если только особо не оговорено) идет речь о Средней Азии до русского завоевания (т.е. для Хивинского ханства – до 1873 г.).

² В.В.Бартольд, События перед хивинским походом 1873 года..., – Сочинения, т.П, ч.2, М., 1964, стр. 400.

³ Это отразилось и на таких обобщающих трудах, как "История народов Узбекистана" (т.2, Ташкент, 1947), "История Узбекской ССР" (т.П, кн.1–2, Ташкент, 1955–1956), "История таджикского народа" (т.П, кн.2, М., 1964), "История Узбекской ССР" (т.1, Ташкент, 1967), в которых разделы, посвященные XVI–XIX вв., представляют собой главным образом историю Бухарского ханства; имеющиеся в них сведения о Хиве и Коканде более кратки, часто неточны и не дают связной истории этих областей. Несколько лучше "соблюдены пропорции" в до сих пор единственной обобщающей работе по истории Средней Азии в целом в XVI–XIX вв. – "Очерках по истории Средней Азии" П.П.Иванова (М., 1958), однако эта работа имеет научно-популярный характер, очень ската и содержит лишь важнейшие факты. Работ по отдельным частным вопросам истории Хорезма и Ферганы в XVI–XIX вв. несравненно меньше, чем по истории Бухары этого же периода.

как в политической, так и в экономической и культурной жизни в сравнении со своими более отсталыми "периферийными" соседями – Хорезмом и Ферганой⁴ (не говоря уже о таких областях, как Туркмения, Киргизия и Памир). Однако это, как и любые другие возможные объяснения, не может, конечно, служить оправданием того, что история Средней Азии рассматриваемого периода до сих пор многим представляется как история Бухарского ханства по преимуществу, с некоторыми дополнениями из истории Хивы, Коканда и других областей.

Известным препятствием для более широкого изучения истории Хивинского и Кокандского ханств, как мне кажется, является наметившаяся уже довольно давно тенденция рассматривать историю народов Средней Азии в рамках существующих ныне административно-территориальных делений – союзных и автономных республик. При этом история каждого из средневековых государств освещается в сводных работах по истории почти каждой союзной республики Средней Азии, но, как правило, неполно и однобоко. Очевидно, история Средней Азии до русского завоевания должна быть изучена и описана как история развития и взаимодействия реально существовавших на ее территории государственно-политических и этнических объединений; для периода с XVI до последней трети XIX в. это прежде всего Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. Только создание истории каждого из этих государств наряду с историей соседних с ними казахских ханств, туркменских и киргизских племен и памирских владений может привести в дальнейшем к созданию полноценной общей истории Средней Азии как единого культурно-исторического целого.

История Хивинского ханства пока никем не написана. Изданная еще в 1877 г. работа Н.И.Веселовского "Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего" до сих пор является единственной сводкой данных по истории этого государства, несмотря на то что она по существу устарела уже в тот момент, когда была написана, так как в ней не были использованы ставшие к тому времени известными русским ученым местные источники – хроники Муниса и Агехи. Таким образом, в отношении Хивинского ханства не выполнена даже элементарная

⁴ С точки зрения экономического развития Кокандское ханство в XIX в., по-видимому, уже перегнало Бухару, но последняя и в это время оставалась наиболее важным культурным центром для всей Средней Азии.

задача: не составлена его политическая история, которая основывалась бы на критическом сопоставлении всех или хотя бы большинства доступных ныне источников. Русские дореволюционные историки и востоковеды после Н.И.Веселовского специально историей Хивы не занимались (если не считать статьи Бартольда "События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка" и небольших разделов в его же общих работах по истории Средней Азии и статьях в "Энциклопедии ислама"). П.П.Иванов (1893-1942) положил начало изучению истории Хивинского ханства советскими учеными⁵. Внимание П.П.Иванова было направлено почти исключительно на разработку вопросов социально-экономической истории; в этом же направлении пошли почти все дальнейшие исследования⁶. Основной темой этих исследований, как и можно было ожидать, оказались земельные отношения. Изучение аграрного строя, несомненно, имеет большое значение для истории феодального государства, каким было Хивинское ханство; поэтому полезно будет выяснить, какие результаты достигнуты в этой области, которая, казалось бы, должна быть изучена лучше всех других.

Предварительно необходимо хотя бы бегло напомнить о различных группах источников, на которых сейчас может строиться анализ аграрного строя Хивинского ханства.

(1) Сведения европейских (главным образом русских) путешественников, послов и других лиц, побывавших в Хивинском ханстве до его завоевания. По большей части они сообщают лишь отрывочные и не всегда достаточно ясные сведения о земельно-налоговой системе. Наиболее полные из описаний Хивинского ханства, как известно, принадлежат Н.Н.Муравьеву (1819-1820 гг.)⁷ и Г.И.Данилевскому (1842 г.)⁸.

(2) Русские описания Хивинского ханства, составлявшиеся пос-

⁵ Западноевропейские востоковеды до последнего времени практически почти не занимались историей Средней Азии XVI-XIX вв., ввиду малой доступности для них соответствующих источников.

⁶ Я имею в виду здесь собственно исторические работы. Значительно больше, чем историки, Хорезмом занимались этнографы, однако их исследования по большей части касались специфического круга вопросов (ср. также ниже, стр. 102).

⁷ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах... Николая Муравьева.... ч.1-2, М., 1822.

⁸ Описание Хивинского ханства, - "Зап.Имп. Русского Географич. об-ва", СПб., 1851, кн.У, стр. 62-139.

де его завоевания: А.Д.Куном (1873 г.)⁹, О.А.Шкапским (около 1900 г.)¹⁰, Гиршфельдом и Галкиным (1902-1903 гг.)¹¹, В.Лобачевским (1910 г.)¹², Н.Лыкошиным (1912 г.)¹³. Описания А.Д.Куна были основаны на личном обследовании ханства тотчас после его занятия русскими войсками в 1873 г., на расспросах хивинских чиновников и других жителей ханства и беглом знакомстве с документами архива хивинских ханов; описания остальных авторов — также на личном обследовании и сведениях, полученных от хивинских официальных лиц (работа Шкапского посвящена Аму-Дарьинскому отделу, но включает много сведений, относящихся к ханству в целом). К этим описаниям по существу примыкает и посвященная Хорезму часть "Материалов по районированию Средней Азии"¹⁴, составлявшихся в связи с национальным размежеванием 1924 г.¹⁵

(3) Хивинские исторические сочинения: хроники Муниса, Агехи (XIX в.) и Баяни (начало XX в.). Они содержат отдельные (в общем довольно скудные) упоминания о земельных пожалованиях, о поместьях, принадлежавших хану и его сановникам, о строительстве и ремонте каналов и др.

(4) Хивинские документы, подавляющее большинство которых сохранилось в составе архива хивинских ханов и относится к

⁹ См. особенно его статьи: Заметки о податях в Хивинском ханстве, — "Туркестанские ведомости", 1873, № 32; Порядок взимания податей в Хивинском ханстве, — "Туркестанские ведомости", 1873, № 33.

¹⁰ Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье, Ташкент, 1900.

¹¹ Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составил ген. штаба капитан Гиршфельд. Переработано нач. Аму-Дарьинского отд. ген.-майором Галкиным, ч. I-II, Ташкент, 1902-1903.

¹² Хивинский район, Ташкент, 1912 (Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа).

¹³ Записка о современном состоянии Хивинского ханства (рукопись, хранится в ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. I, № 314).

¹⁴ Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2, Хорезм, Ташкент, 1926.

¹⁵ Статистические и иные сведения, содержащиеся в этом сборнике, в большинстве случаев характеризуют также положение, существовавшее в Хорезме до революции, а многие из них важны и для периода до русского завоевания.

ХІХ в.¹⁶; из них так или иначе касаются земельных отношений:

(а) списки землевладельцев различных районов ханства; (б) налоговые реестры и другие документы, связанные со взиманием земельных налогов; (в) описания и списки земельных владений различных лиц и родов; (г) тарханские грамоты; (д) ярлыки о пожаловании земли; (е) купчие и закладные на землю и акты об аренде земли; (ж) вакуфные грамоты; (з) некоторые донесения, письма, прошения и т.п.

(5) Этнографические данные, собранные в советское время (в значительной степени – Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, а также этнографической экспедицией МГУ и некоторыми отдельными лицами). Они опубликованы лишь в незначительной своей части и не всегда достаточно надежны¹⁷; однако некоторые стороны земельных отношений, по-видимому, могут быть освещены только с привлечением этнографического материала.

(6) Археологические и археолого-топографические данные, которые имеют значение для истории ирригации и для установления площади различных земельных угодий в Хивинском ханстве.

Подавляющее большинство источников первых пяти групп (за исключением небольшого числа земельных актов и нескольких случайных сообщений в нарративных источниках) относится к ХІХ в. Естественно, что и исследования земельных отношений в Хивинском ханстве были посвящены главным образом ХІХ в.

Первой работой, специально посвященной аграрным отношениям в Хивинском ханстве, была статья П.П.Иванова об удельных землях

¹⁶ О документах архива хивинских ханов см.: П.П.Иванов, Архив хивинских ханов ХІХ в., Л., 1940; М.Ю. Юлдашев, Новые архивные источники по истории Средней Азии, – КСИА, М., 1951, вып. I, стр. 35–41; Ю.Э.Врегель, Архив хивинских ханов (Предварительный обзор новых документов), – "Народы Азии и Африки", 1966, № I, стр. 67–76. Помимо архива хивинских ханов и ряда вакуфных грамот и других актов, хранящихся в ЦГА УзССР, хивинские земельные документы, насколько мне известно, имеются в Ин-те востоковедения АН УзССР (тарханские грамоты, ярлыки, купчие, закладные, вакуфные грамоты, акты об аренде), в музеях Хивы (вакуфные грамоты, ярлыки) и Самарканда (купчие и ярлыки, почти исключительно ХХ в.) и в Ленинградском отделении Ин-та востоковедения АН СССР (купчие, ярлыки).

¹⁷ Этнографы, занимающиеся Средней Азией, насколько мне известно, не имеют достаточно разработанной методики сбора сведений о социально-экономических отношениях; вопросы же критики устных этнографических источников практически вообще не разработаны.

хана Сейид-Мухаммеда, опубликованная в 1937 г.¹⁸ В вводной части статьи дается характеристика некоторых особенностей хивинского феодализма и делаются попытки объяснения его общей отсталости; здесь есть ценные замечания и наблюдения, однако недостаток фактов не дал автору возможности одинаково хорошо обосновать все его положения; в этой части встречаются и объяснение неизвестного через неизвестное¹⁹, и выводы, не вытекающие непосредственно из материала²⁰. Зато основная часть статьи (стр.37 и далее) представляет собой весьма тщательное исследование. Рассмотрев отрывочные и противоречивые данные о ханских землях в русской литературе XIX в., П.П.Иванов переходит к анализу сведений о ханских землях, встречающихся в сочинениях Муниса и Агехи, сопоставляя их со всеми остальными, преимущественно русскими, источниками. После анализа терминов, употреблявшихся для обозначения ханских (а попутно и других категорий) земель, он приводит описания отдельных поместий и делает два основных вывода: 1) в Хиве существовали "ханские родовые поместья - мульки"²¹, 2) они имели характер "обельных" земель²². Далее П.П.Иванов рассматривает вопрос о характере эксплуатации на ханских землях и приходит к заключению, что непосредственными производителями здесь были, очевидно, издольные арендаторы, хотя значительную роль в ханских поместьях

¹⁸ П.П.Иванов, "Удельные земли" Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856-1865). В порядке постановки вопроса о так называемых ханских землях в Средней Азии, - "Зап. Ин-та востоковедения АН СССР", М.-Л., 1937, т. VI, стр. 27-59.

¹⁹ Так, на стр. 30 отсталость Хивы объясняется ее изолированностью и "причинами социального порядка"; на стр. 31 особая живучесть рабовладельческого уклада в Хиве объясняется "общими особенностями исторического развития".

²⁰ Приводя (стр. 33) рассказ Муниса о том, что мангыт Хуразбек производил оросительные работы на мульках рода мангытов (т.е. руководил этими работами), П.П.Иванов утверждает, что из этого сообщения видно, что феодально-родовая знать представляла собой крупнейших землевладельцев района, "экспроприировавших так называемую родовую собственность".

²¹ Правильное произношение - милък, однако в Хорезме этот термин, по-видимому, всегда (или по крайней мере в рассматриваемое время) произносился мулък.

²² Вывод основан на том, что эти поместья часто называются у Агехи мулък-и халис или мулък-и халиси; но такое толкование этого термина (по аналогии с Бухарой) применительно к Хиве вызывает сомнение.

играл и труд рабов²³. После работы П.П.Иванова не вызывало сомнений существование ханских "удельных" земель и стало ясно местонахождение основных поместий в середине XIX в.; в этой же работе сделана попытка определить возможную общую площадь ханских земель (исходя из данных о размере собиравшегося с них урожая зерна). Тем не менее эта статья П.П.Иванова не исчерпывала даже того материала, который был известен в то время, когда она писалась²⁴, не говоря уже о весьма богатом материале по тому же вопросу, содержащемся в открытых позднее документах; поэтому вся проблема, безусловно, подлежит дальнейшему изучению.

Еще большее значение для исследования земельных отношений имели открытие П.П.Ивановым (в 1936 г.) архива хивинских ханов и описание этого архива, изданное им в 1940 г.²⁵ Описание архива вводило в науку новый огромный материал, который в значительной своей части касался земельно-налоговых вопросов. Во введении к этой работе П.П.Иванов дал краткий очерк внутреннего состояния Хивинского ханства в XIX в., включая характеристику землевладения (стр. 18 и сл.); в самих описаниях документов он привел множество цифровых и иных данных, переводы и подробные пересказы отдельных, особенно интересных, по его мнению, мест, в некоторых случаях указал на выводы, которые следуют из содержания документов. В дальнейшем к этому описанию обращались как к первоисточнику многие авторы, которые не имели возможности читать документы в подлиннике. Однако при всех своих достоинствах описание П.П.Иванова являлось, естественно, только путеводителем для исследователя и самого исследования (и публикации) заменить не могло. Сам П.П.Иванов неоднократно отмечает, что описываемые им документы подлежат публикации и статистической обработке.

Первой работой, основанной в значительной степени на исследе-

²³ П.П.Иванов отметил, что наемный труд в сельском хозяйстве Хивы применялся, "однако его удельный вес был ничтожен" (стр. 54, прим. 2); это мнение, к сожалению, не было подкреплено какой-либо аргументацией.

²⁴ Статья была написана преимущественно на основе анализа хроники Агехи Гулшан-и девлет, посвященной царствованию Сейид-Мухаммед-хана (переводы отрывков из этой хроники были подготовлены им для "Материалов по истории каракалпаков", М.-Л., 1935, стр. 135-143, и для "Материалов по истории туркмен и Туркмении", т. II, М.-Л., 1938, стр. 562-611). Другие сочинения Агехи и Муниса не были изучены им для этой цели столь же основательно.

²⁵ См. выше, прим. 16.

довании документов архива хивинских ханов, была кандидатская диссертация М.В.Сазоновой²⁶, защищенная в 1947 г. и оставшаяся неопубликованной²⁷. В этой работе было использовано семь дафтаров архива хивинских ханов (по описанию П.П.Иванова - №№ 1, 3, 4, 6, 9, 24, 59), некоторые другие хивинские документы и этнографические материалы, собранные автором во время поездок в Хорезм в 1938 и 1939 гг. Исследуя хивинские документы, М.В.Сазонова сделала ряд ценных наблюдений, основанных на различных пометках в налоговых реестрах; к таким наблюдениям можно отнести замечания о передаче земельных участков в другие руки (стр. 34-35), о передаче участков государственной земли по наследству (стр. 36) и переходе их в хасса (стр. 38-41; о значении этого термина ср. ниже, стр. 79), о превращении владельцев земель в вакфкаров (т.е. держателей вакуфной земли; стр. 59) и об уходе их в город (стр. 61) и некоторые другие. Большой интерес представляет найденный и опубликованный М.В.Сазоновой (стр. 50-51, 143) документ о порядке уплаты налогов с вакуфных земель и о продаже этих земель их арендаторами. Интересна также попытка (стр. 81-85) сопоставить документ, посвященный учету воды в ханстве (№ 59 по описанию П.П.Иванова), с земельно-налоговыми реестрами. Из этнографических материалов, собранных М.В.Сазоновой, следует особо отметить: 1) сведения о супраге (джабды²⁸); 2) сведения об аренде кесим (стр. 48-50)²⁹; 3) сведения об условиях аренды различных земель (стр. 53-55); 4) сведения о праве хакоба (здесь этнографические данные подкреплены также интересным документом; стр. 70-72, 145-147); 5) сведения о порядке отбывания ирригационной повинности - казу

²⁶ Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX веке, Л., 1946, 146 стр. машинописи (хранится в архиве Ин-та этнографии АН СССР).

²⁷ Был опубликован лишь очень короткий автореферат, который не дает должного представления о содержании работы (см.: М.В.Сазонова, Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX в., - "Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР", М.-Л., 1949, вып. УІ, стр. 64-67).

²⁸ Ср. данные о джабды в книге Я.Г.Гулямова "История орошения Хорезма...", Ташкент, 1957, стр. 264.

²⁹ М.В.Сазонова, по-видимому, впервые обратила внимание на этот термин, однако объясняет его, по всей вероятности, неверно (она говорит об арендаторах "касымчи" или "кысымчи", считая это слово происходящим от арабского кисм 'часть' и объясняя его как 'издольщик'); ср. ниже об этом термине в диссертации А.Компчанова.

(стр. 75-80); 6) сведения о трудовой повинности — бегар (стр. 87-102) ³⁰. Несомненным достоинством работы М.В.Сазоновой является сочетание этих двух видов источников — документальных и этнографических. Однако в ее работе имеются, к сожалению, существенные недостатки общего характера; прежде всего это неполное использование хивинских земельно-налоговых документов. М.В.Сазонова пытается характеризовать землевладение в Хивинском ханстве на основе статистического анализа в сущности одного лишь документа № 24, содержащего только реестр части земель ханства (по-видимому, государственных земель), т.е. не охватывающего как раз большей части основных, густонаселенных районов, где были земли частновладельческие (мульковые); она не пытается определить, какие именно земли и районы указаны в этом документе, а полученные ею выводы относит ко всему ханству. Лишь в одном случае (стр. 108-110) она анализирует документальные данные, касающиеся владельцев мульковых земель, однако при этом пытается установить процентное соотношение между тремя разрядами налогоплательщиков ³¹ по цифрам, относящимся лишь к одной мечети ³² в одном из налоговых реестров, в то время как подобных реестров, охватывающих значительную часть территории ханства, сохранилось почти два десятка. В ряде случаев документы поняты ею неверно ³³. В результате, несмотря на некоторые интересные материалы, ценные замечания и наблюдения (которые должны быть приняты во внимание при дальнейших исследованиях), работа М.В.Сазоновой не дала удовлетвори-

³⁰ М.В.Сазонова полагает, что термином бегар, в отличие от казу, в Хорезме обозначалась только натуральная повинность, заключающаяся в строительстве городских стен и крепостей, ханских дворцов, мечетей и других сооружений, а также в работе на полях хана и сановников. По-видимому, это неверно и бегар включал в себя (в качестве основной составной части) также казу; в обиходе ирригационная повинность чаще называлась казу, чем бегар, а иногда эти термины употреблялись как синонимы.

³¹ Часть владельцев мульковых земель в Хивинском ханстве (хан и члены ханского рода, светские и духовные сановники всех рангов, слуги всех этих лиц, нукеры) не платили земельного налога (салгута); налогоплательщики же, в зависимости от размеров их земли, делились на три разряда: высший, средний и низший.

³² Мечеть в Хивинском ханстве называлась низовая административно-фискальная единица.

³³ Так, например, М.В.Сазонова не поняла, что часть земель, описанных в рассматриваемом ею документе № 24, принадлежала туркменам племени сакар (ср.: КСИБ, М., 1960, вып. XXXIII, стр. 63, прим. 25); пометку над некоторыми именами в налоговых реестрах нукер би-тамга она читает нукер би-тухфа, предлагая фантастическое толкование (стр. 109) и т.п.

тельного освещения поставленных в ней вопросов. В дальнейшем М.В.Сазонова, к сожалению, не продолжала разработку этих проблем.

Вскоре после М.В.Сазоновой исследованием хивинских документов занялся М.Ю.Юлдашев, основной темой которого также стали аграрные отношения; этой проблеме посвящено по крайней мере двенадцать его работ (см. ниже), и до настоящего времени аграрными отношениями в Хивинском ханстве в целом (до 1873 г.), кроме него, больше никто не занимался. Некоторые частные вопросы, однако, получили освещение в работах других авторов, которые полезно рассмотреть до разбора трудов М.Ю.Юлдашева.

В книге Я.Г.Гулямова, посвященной истории ирригации Хорезма³⁴, в одной из глав (стр. 199-236) рассматривается динамика ирригационной сети Хорезма в XVI-XIX вв.; здесь на основе различных письменных источников (отчасти сопоставляемых с этнографическими и археологическими данными) излагается история развития оросительной сети Хивинского ханства. Это, естественно, имеет большое значение для исследования земельных отношений, в частности для уточнения расположения и площади орошаемых и обрабатываемых земель ханства на протяжении рассматриваемого периода. В той же главе (стр. 235-236) Я.Г.Гулямов бегло касается и земельно-налоговых вопросов; в другой главе (стр. 263-267) приводятся интересные сведения (в основном этнографические) об ирригационной повинности.

Как уже упоминалось, в советской историографии Хивинскому ханству посвящено больше этнографических или историко-этнографических, нежели собственно исторических, работ, что связано главным образом с деятельностью Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П.Толстова³⁵. Среди этих работ большая часть касается этнографии двух "окраинных" народов Хивинского ханства - туркмен и каракалпаков, что также вполне объяснимо, так как, во-первых, историческое развитие обоих этих народов отличалось значительным своеобразием по сравнению с историей основной массы оседлого населения Средней Азии (в частности, в их общественном строе и культуре сохранялось много

³⁴ История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.

³⁵ Упомянутая выше работа Я.Г.Гулямова также была выполнена отчасти в этой экспедиции, отчасти в сотрудничестве с ней.

сравнительно архаических черт) и, во-вторых, для изучения их истории приходилось в большей степени обращаться к этнографическим источникам. В 1958 г. вышли одновременно три историко-этнографические работы о каракалпаках в Хивинском ханстве, в каждой из которых содержалась и краткая характеристика земельных отношений и налоговой системы³⁶. Эта характеристика была основана главным образом на этнографических данных, но отчасти также на описании архива хивинских ханов, изданном П.П.Ивановым³⁷. Впоследствии соответствующие разделы из работ С.К.Камалова и Р.К.Косбергенова вошли (с некоторыми изменениями и дополнениями) в сводный труд по истории Каракалпакии, написанный с участием этих же авторов³⁸. Основной недостаток интересующих нас разделов – слабое использование хивинских земельно-налоговых документов, которые были недоступны авторам³⁹; кроме того, из этих разделов не всегда можно уяснить, какие из сообщаемых ими фактов в действительности относятся к каракалпакам, а какие просто заимствованы из общих трудов, относящихся к Хивинскому ханству в целом. Тем не менее упомянутые работы содержат ряд надежных данных о земельных отношениях и налоговой системе у каракалпаков и могут служить основой для дальнейшего углубленного изучения этих вопросов, успех которого зависит в первую очередь от широкого привлечения всех известных в настоящее время документов. Некоторым шагом в этом направлении, возможно, явится недавно осуществленное издание сборника докумен-

³⁶ См.: Б.В.Андрянов, Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII–XIX вв.), – "Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции", т. III. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков, М., 1958, стр. 78–81, 86–88, 92–93 и карты на стр. 89 и 106; С.К.Камалов, Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в., – там же, стр. 141–151; Р.К.Косбергенов, Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX – начале XX в., – там же, стр. 228–245, 250–256. Работа Р.К.Косбергенова посвящена более позднему периоду (после 1873 г.), однако как раз собранные в ней данные о земельных отношениях в значительной степени касаются и времени до русского завоевания.

³⁷ Б.В.Андрянов использовал также переводы некоторых документов, сделанные М.В.Сазоновой и опубликованные им в приложении к своей работе (стр. 119–132).

³⁸ Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I, Ташкент, 1964, стр. 164–176, 257–281.

³⁹ Помимо документов, переведенных М.В.Сазоновой, а также опубликованных или переведенных П.П.Ивановым, в архиве хивинских ханов (даже до обнаружения новых документов к 1961 г.) было немало других материалов, относящихся к каракалпакам; совершенно не были использованы хивинские документы, хранившиеся в Ташкенте (ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. I).

тов, подготовленное автором этой статьи⁴⁰.

В 1961 г. мною была опубликована работа по истории хивинских туркмен, в которой особая глава посвящена земельным отношениям⁴¹. Эта глава основана на документах архива хивинских ханов, хранившихся в Ленинграде⁴², на различных других письменных источниках, а также на этнографических материалах; основное внимание здесь уделено туркменской общине и атлыкам как специфической форме землевладения у туркмен в Хивинском ханстве. Здесь, конечно, не место давать оценку этой работе. Можно лишь отметить, что в ней был исчерпан весь известный в то время материал письменных источников, доступный в Москве и Ленинграде, однако не могли быть привлечены хивинские документы, хранившиеся в Ташкенте. Между тем, как теперь ясно, некоторые из этих документов также содержат важные материалы о земельных отношениях у туркмен⁴³; масса новых материалов о туркменах имеется в хивинских документах, ставших известными к 1961 г.⁴⁴; наконец, некоторые новые данные получены в результате этнографических работ последних лет. Несомненно, что в свете всех этих новых материалов некоторые из выводов, сделанных в упомянутой работе, должны быть пересмотрены или уточнены (в частности, в ней, по-видимому, недооценено распространение держания государственной земли и арендных отношений у туркмен).

В вышедшей в том же 1961 г. работе Г.Е.Маркова приняты мои выводы относительно атлычного землевладения у туркмен⁴⁵.

Исследование истории Хивинского ханства в целом и этнографическое изучение основной части населения ханства — узбеков —

⁴⁰ Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. Подбор документов, введение, перевод, примечания и указатели Ю.Э.Брегеля, М., 1967 (см. особенно стр. 25-38 и 79-128).

⁴¹ Ю.Э.Б р е г е л ь, Хорезмские туркмены в XIX веке, М., 1961, стр. 91-117 (также стр. 186-191, о налогах и повинностях).

⁴² К работе приложены переводы и подробные описания всех документов, так или иначе имеющих отношение к туркменам.

⁴³ В основном эти материалы относятся к более позднему периоду (после 1873 г.), однако они имеют значение и для интересующего нас периода.

⁴⁴ Ср.: "Народы Азии и Африки", 1966, № I, стр. 72-74.

⁴⁵ См.: Г.Е.М а р к о в, Очерк истории формирования северных туркмен, Изд-во МГУ, 1961, стр. 110-123.

серьезно отстало от изучения хивинских туркмен и каракалпаков. Собственно историей ханства практически никто до сих пор не занимался⁴⁶; однако земельным отношениям и налоговому устройству, после работ М.В.Сазоновой и М.Ю.Юлдашева, была недавно посвящена еще одна работа – кандидатская диссертация А.Кошчанова⁴⁷, которая рассматривает, правда, уже период после русского завоевания, но фактически в ряде вопросов касается и интересующего нас периода. А.Кошчанов, как и М.В.Сазонова, помимо документальных и иных письменных источников привлек для исследования и собранный им самим этнографический материал. Он впервые использовал ряд важных документов (из фонда И-125, оп. I – "Канцелярия хана хивинского", в ЦГА УзССР), хранящихся в Ташкенте. Его работа также оказалась первой, в которой рассматриваются (правда, не с одинаковой полнотой) земельные отношения у всех населявших Хивинское ханство народов – узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов. Наибольший интерес в этой работе представляют характеристика землепользования, в частности различных видов аренды, и анализ относящихся к этому терминов (таких, как беватаң, кесим⁴⁸ и др.). Однако и в этой работе не учтены многие документальные источники, содержащие материал по затронутым в ней вопросам, а этнографические данные, которые в ней использованы, собраны главным образом в одном-двух районах в центральной части Хорезма. К сожалению, А.Кошчанов, подающий несомненные надежды как

⁴⁶ Несколько больше привлекает внимание историков история Хивинского ханства после русского завоевания; однако работающие в этой области, не будучи, как правило, востоковедами, ограничиваются почти исключительно источниками на русском языке, а многочисленные хивинские документы этих лет (см. выше, прим. 39) остаются неисследованными.

⁴⁷ Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве в конце XIX – начале XX вв., Ташкент, 1966, 269 стр. машинописи. Я имел в своем распоряжении рукопись, любезно предоставленную мне автором, которому, пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признательность. Имеется изданный автореферат этой работы (с тем же названием).

⁴⁸ Согласно А.Кошчанову (рукопись диссертации, стр. 152), термином кесим обозначалась такая аренда, при которой арендатор платил заранее определенное количество зерна или денежную сумму; иначе говоря, этот термин, по-видимому, употреблялся как местный узбекский эквивалент арабского ишара (ср. ниже, стр. 91, прим. 260). Это слово пишется в документах كسيم, происходит от глагола كساك в значении "определять", "назначать" (а не от арабского кисм, как считала М.В.Сазонова) и означает "заранее (или точно) определенная (или назначенная) плата" (ср. аналогичные по смыслу термины кесме закат и салгит-кесме: Ю.Э.Брегель, Хорезмские туркмены в XIX веке, стр. 188-189).

исследователь, в настоящее время, насколько мне известно, не продолжает работу в той же области.

Обзор всех упомянутых выше работ показывает, что основным материалом, на котором строится сейчас исследование аграрных отношений в Хивинском ханстве, являются хивинские земельно-налоговые документы; однако из того же обзора видно, что в этих работах использована лишь весьма незначительная часть имеющихся документов. В значительно большем объеме привлек их М.Ю.Юлдашев, который в последние годы играет главную роль в изучении земельных отношений в Хивинском ханстве. В его работах цитируется большое количество документов и приводится множество различных цифр; по ряду важных вопросов он пришел к выводам, существенно отличным от тех взглядов, которые высказывались до него; положения, содержащиеся в его книгах и статьях, уже повторяются в качестве последнего слова науки в работах других авторов, и в частности в некоторых обобщающих трудах по истории Средней Азии. Ввиду всего этого его работы требуют особого детального разбора.

М.Ю.Юлдашев защитил докторскую диссертацию "Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива хивинских ханов" в 1953 г.; в 1954 г. он опубликовал первую статью, посвященную документам хивинского архива. С тех пор до настоящего времени, как уже упоминалось выше, им опубликовано по меньшей мере 12 работ, посвященных земельным отношениям в Хивинском ханстве ⁴⁹. Правда, при ближайшем рассмотрении

⁴⁹ (1) Государственный архив феодальной Хивы XIX века, — "Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии", М., 1954, стр. 209–220; (2) К вопросу о характере поземельного налога в Хиве в XIX в., — "Изв. АН УзССР, сер. обществ. наук", 1957, № 2, стр. 19–24; (3) К вопросу об особенностях развития феодального землевладения в Хиве в XIX в., — "Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г.Ташкенте 4–11 июня 1957 г.", Ташкент, 1957, стр. 621–627; (4) Некоторые выводы из анализа документов государственного архива хивинских ханов XIX в., — "Изв. АН УзССР, сер. обществ. наук", 1958, № 1, стр. 5–11; (5) Некоторые данные о закабалении и продаже человека в период позднего феодализма, — "Изв. АН УзССР, сер. обществ. наук", 1958, № 5, стр. 33–39; (6) Феодальное землевладение в Хиве XIX в. до присоединения ханства к России, — "Изв. АН УзССР, сер. обществ. наук", 1959, № 3, стр. 33–47; (7) Хива хонлигида феодал ер эгалити ва давлат тузиллиши, Ташкент, 1959 (последняя треть этой книги посвящена государственному устройству Хивинского ханства); (8) Расшифровка 34-го дафтара из архива хивинских ханов (к вопросу о земельных отношениях в Хиве XIX в.), — "Труды Двадцать пятого международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960", т. III, М., 1963, стр. 66–71; (9) К истории крестьянского землевладения в Средней Азии, — "Обществ. науки в Узбекистане", 1964, № 7, стр. 42–44; (10) К истории дехкан, — "Обществ. науки в Узбекистане", 1965, № 12, стр. 11–17; (11) К истории крестьян Хивы XIX века, Таш-

оказывается, что по своему содержанию эти работы в значительной степени дословно повторяют одна другую. Материал статей (I)–(6) (см. прим. 49) был взят из диссертации М.Ю. Олдашева (причем одни и те же факты и положения повторялись в разных статьях) и соответственно полностью вошел в его книгу "Хива хонлигида феодал ер эгалити..." (7), которая представляет собой издание его докторской диссертации на узбекском языке, без сколько-нибудь существенных изменений⁵⁰. Доклад на XXV конгрессе востоковедов (8) содержал тот же материал (фигурировавший по меньшей мере в двух статьях и книге) без каких-либо дополнений. Статья (9) полностью повторяет стр. 136–138 книги. Статья (10) повторяет стр. 176–182 книги (с незначительными дополнениями). Наконец, новая книга – "К истории крестьян Хивы XIX века" (II) – также полностью повторяет материал первых двух глав книги на узбекском языке (7), но с сокращениями, перестановкой отдельных абзацев и страниц и несколькими незначительными дополнениями, а статья (12) более чем наполовину дословно повторяет некоторые места этой книги. (Не редки случаи, когда материал из опубликованных тем или иным автором статей, а иногда статьи целиком входят затем в монографию того же автора, охватывающую более широкий круг вопросов, и использование такого метода работы М.Ю. Олдашевым не может вызвать никаких возражений; однако изготовление статей из уже опубликованной монографии производит по меньшей мере странное впечатление⁵¹.)

Сколько-нибудь существенные дополнения в новой книге М.Ю. Олдашева по сравнению с его докторской диссертацией заключаются в следующем: 1) стр. II–12 – критика работы Ю.Э. Брегеля о хорезмских туркменах; 2) стр. 14 – о перераспределении земельного фонда в Средней Азии в XVI–XVII вв. (ср. ниже, стр. 54, 66); 3) стр. 23–26 – перевод отрывков из двух документов, содержащих перечни земельных владений (ср. ниже, стр. 48, 51); 4) стр. 32–35 – документ (XIX века, что в книге не указано), не имеющий отношения к теме; 5) стр. 37–38 – доказательства достоверности цифр, сооб-

кент, 1966; (12) Интересный документ по истории хивинского крестьянства XIX века, – "Обществ. науки в Узбекистане", 1968, № I, стр. 28–30.

⁵⁰ Мне неизвестно, какая из этих двух работ (диссертация на русском языке или книга на узбекском) является оригиналом и какая – переводом.

⁵¹ Конечно, это очень удобный способ увеличения количества "печатных трудов".

щаемых Данилевским (ср. ниже, стр. 82-84); 6) стр. 40-41 - полемика с А.Копчановым (ср. ниже, стр. 88-90); 7) стр. 54-56 - перевод нескольких кабальных документов; 8) стр. 80-108 - перевод одного из дафтаров архива хивинских ханов (первая половина этого документа, перевод которой помещен на стр. 69-80, была опубликована в книге на узбекском языке) (ср. ниже, стр. 49-51); 9) стр. 121-124 - перевод двух документов о сборе зерна. Остальные, весьма немногочисленные вставки представляют собой общие фразы и цитаты из классиков марксизма.

Таким образом, все перечисленные выше работы М.Ю.Юлдашева фактически являются только одной работой, которая в полном виде представлена в его докторской диссертации (и, соответственно, в книге на узбекском языке ⁵²). Однако, поскольку книга "К истории крестьян Хивы" является своего рода новой редакцией первых двух глав этой работы и можно предположить, что многие из тех мест, которые в нее не вошли, либо излишни ⁵³ , либо пересмотрены автором, я ограничусь только разбором этой последней книги; при этом нужно иметь в виду, что высказанные по поводу нее замечания в полной мере относятся и ко всем остальным перечисленным выше работам.

Книга М.Ю.Юлдашева основана преимущественно на документах архива хивинских ханов ⁵⁴ . В конце книги приведен список использованных документов, который включает 106 номеров документов XIX в. (до русского завоевания), в подавляющем большинстве (кроме двух) описанных П.П.Ивановым ⁵⁵ , и 603 номера из фонда "Канцелярия хана хивинского" (в подавляющем большинстве - 1873-1920 гг.). Изучение всех ссылок на источники в тексте книги показывает, что в этом списке пропущено еще 4 документа XIX в. (№ 22, 24, 47 и 66 по описанию Иванова); однако вместе с тем нетрудно

⁵² Далее цит.: Ю л д о ш е в .

⁵³ Диссертация и книга на узбекском языке отличались сумбурным построением и включали много материалов, совершенно не относящихся (или относящихся в очень слабой степени) к теме. Вместе с тем в новой книге автор лишь в нескольких второстепенных вопросах не повторяет аргументации, которая содержалась в книге на узбекском языке, причем прямая ссылка на нее дана только один раз (стр. 36).

⁵⁴ В предисловии ("От автора", стр. 5) сказано даже, что "работа посвящена исследованию государственного архива Хивы середины XIX в."

⁵⁵ М.Ю.Юлдашев ссылается везде на номера по описанию Иванова (ср. об этом ниже, стр. 98); соответственно на них даются ссылки и в данной статье.

убедиться, что на 68 из этих 110 документов XIX в. нет никаких ссылок и невозможно обнаружить следов их использования, один номер указан ошибочно (вместо № 84 на стр. 114 следует читать № 34), а 12 документов (№№ 7, 14-17, 32, 43, 45, 71, 79, 86, 100) только упомянуты в перечнях на стр. 111 и 113; следовательно, из 110 документов фактически использовано только 29. Что касается фонда "Канцелярия хана хивинского" (ЦГА УзССР, ф.И-125, оп.1), то из него, как показывают цитаты и ссылки, использовано всего 7 документов ⁵⁶. Кроме того, М.Ю.Юлдашевым использованы 3 документа из архива А.Л.Куна и несколько закладных и кабальных актов из фонда ИВАН УзССР.

Таким образом, документальная база работы на самом деле гораздо скромнее, чем она выглядит в списке использованных источников. Она оказывается еще более скромной, если проанализировать сравнительное значение фактически использованных М.Ю.Юлдашевым документов для целей его исследования. При этом выясняется, что исследование построено главным образом всего лишь на двух документах: сводном налоговом реестре 1850-х годов (№ 34) и сводном налоговом реестре 1259/1843 г. (рукопись С 699); на них основано полностью решение вопроса о распределении земельного фонда страны и в значительной степени – вопроса о формах эксплуатации. Эти два дафтера использованы М.Ю.Юлдашевым целиком, причем они им также целиком опубликованы ⁵⁷; большинство других документов, особенно налоговых реестров, использованы лишь частично, и во многих случаях это не связано с анализом главных вопросов, поставленных автором ⁵⁸.

Нарративные восточные источники использованы М.Ю.Юлдашевым в ничтожной степени: лишь один раз он ссылается на Муниса (стр. 14), к тому же неверно истолковывая его слова (см. ниже, стр.

⁵⁶ Один из них цитируется без указания номера (стр. 121, прим. 81-82).

⁵⁷ С 699 (в русском переводе) – стр. 69-109 (ср. часть текста в современной узбекской графике: И ў л д о ш е в, стр. 30-36); № 34 (в современной узбекской графике) – И ў л д о ш е в, стр. 102-135 (ср. частичный русский перевод: К истории крестьян Хивы..., стр. 43-44).

⁵⁸ Из документов, на которые ссылается М.Ю.Юлдашев, семь вообще не имеют непосредственного отношения к теме работы: №№ 22 (см. стр.20), 46 (см. стр.124), 60 (см. стр.20), 69 (см. стр.18), 70 (см. стр. 19), Архив Куна, оп.1, № 136 (см. стр. 27-32), ЦГА УзССР, ф.И-125, оп.1, № 387 (? очевидно, ошибочная ссылка; см. стр. 32-35).

54), совершенно не упоминает сочинений Агехи и три раза ссылается на Баяни (стр. 23, 24 (по второстепенному поводу), II2-II3).

Из литературы XIX - начала XX в. М.Ю.Юлдашев широко пользуется работами А.Л.Куна (см. стр. 2I, 35, 39, 60-6I, 65, 67, 68, II4, II9, I2I), О.А.Шапского (см. стр.7-II, 39-40, 42-43, 47, 49, 52-54, 58) и Г.И.Данилевского (см. стр. II, 20, 37-38, 43, 60). Остальные несколько работ на русском языке цитируются по второстепенным поводам⁵⁹. В нескольких случаях приводятся цифры, сообщаемые А.Балтаевым (сотрудник Хивинского исторического музея, ныне покойный), в составленных им "Материалах к истории Хивы" (стр. 36, 59, 63-65).

Устные сведения использованы М.Ю.Юлдашевым в двух случаях: на них основаны утверждение о существовании "салгутных карательных отрядов" (стр. II1)⁶⁰ и сообщение о различии между "нишона" и ярлыком (стр. II3).

Из новых работ, затрагивающих рассматриваемые М.Ю.Юлдашевым вопросы, он упоминает статью П.П.Иванова об удельных землях (стр.10), описание архива хивинских ханов этого же автора (стр. I4, 62, II7-II8, I23), "Историю народов Узбекистана" (стр. I0-II, I4, 40, II3, I25, I26), "Хорезмские туркмены в XIX веке" Ю.Э.Брегеля (стр. II-I2) и заметку А.Кошчанова о термине бева-тан (стр. 40-4I).

Уже сопоставление этого списка привлеченных М.Ю.Юлдашевым материалов с обзором имеющихся источников и литературы, помещенным в первой части данной статьи, показывает, что он не обратил внимания на многие материалы, имеющие первостепенное значение для его темы. В особенности бросается в глаза весьма неполное использование хивинских документов. Как уже говорилось выше, М.Ю.Юлдашев опирается почти исключительно на два сводных реестра земельного налога (салгута) и повинностей по мечетям и частично использует также реестры на взимание недоимок; основания для такого выбора документов нигде не объясняются. Совершенно оставлены в стороне обширные и м е н н ы е с п и с к и

⁵⁹ Н.Муравьев - стр. I8, 2I, 60; Гирифельд и Галкин - стр. II1; В.Лобачевский - стр. 37; "Материалы по районированию Средней Азии" - стр. 20; А.Бугаков - стр. II3; "Пребывание русских войск в Хиве" - стр. 59; Г.Вамбери - стр. 66-67; А.Калмыков - стр. II2.

⁶⁰ Здесь ошибочно дана ссылка на "Архив ИНА АН СССР, ф. 33"; ср.: Юлдашев, стр. 220, прим. 6, где в этом случае дана ссылка на устные сведения.

землевладельцев и плательщиков салгута за разные годы, содержащиеся в дафтерах № 4, 6-9, II, 20, 24, 25, 28, 32, I01-I03 и ЦГА УзССР, ф. И-125, оп.1, № 394, 396⁶¹. Между тем эти списки, помимо того что они дают важный материал для сопоставления с двумя сводными реестрами, содержат и такие сведения, которых в этих реестрах нет: 1) они позволяют установить фактические размеры земельных владений некоторых категорий; 2) имеющиеся в них многочисленные пометки, вносившиеся в течение ряда лет, позволяют проследить динамику землевладения (изменения в размерах земельных участков отдельных лиц, продажу и заклад земли и пр.), а также важны для выяснения смысла ряда терминов и детального ознакомления с практикой налогообложения. Не только не использован, но даже не упоминается М.Ю.Юлдашевым обширный актовый материал, связанный с земельно-налоговыми вопросами: ярлыки о пожаловании земли, тарханные ярлыки и вакуфные грамоты; из многочисленных купчих и закладных документов, имеющих в разных хранилищах, процитировано всего несколько, и то для того лишь, чтобы сообщить о существовании кабальных сделок. Практически не привлечены для анализа рассматриваемых в работе вопросов экономико-статистические сведения в русской литературе конца XIX - начала XX в. и этнографические материалы.

Необоснованное сужение круга источников - весьма серьезный недостаток работы М.Ю.Юлдашева. Очевидно, что при слабой изученности проблемы и запутанном освещении ряда вопросов у предшествующих авторов (что особенно подчеркивает сам М.Ю.Юлдашев) необходимо было мобилизовать все доступные источники. К сожалению, это далеко не главный недостаток работы. Можно было бы предположить, что и на основании ограниченного круга источников и литературы при их умелом анализе могут быть сделаны какие-то надежные выводы. Чтобы удостовериться в том, справедливо ли такое предположение в данном случае, нужно рассмотреть, к а к и м о б-

⁶¹ № 6 и II использованы, но в ничтожной степени (см. стр. II4-II6, II8), № 7 и 32 только упомянуты (стр. II3); цитируются также отдельные страницы из № 24 и 25, но как раз не имеющие отношения к спискам землевладельцев (стр. 16, 22, II3, I21-I23). О дафтерах № 394 и 396 (из фонда "Канцелярия хана хивинского"), как относящихся к периоду до русского завоевания, сам М.Ю.Юлдашев сообщил еще в 1962 г. (см. "Обществ. науки в Узбекистане", 1962, № 6, стр. 57-59); недавно опубликованная им небольшая статья (см. выше, прим. 49 (I2)) посвящена документу № 396, однако большая ее часть сводится к повторению того, что было сказано в рассматриваемой книге, и не имеет непосредственного отношения к документу.

р а з о м использует М.Ю.Юлдашев источники.

Обширные выдержки из хивинских документов (в русском переводе) занимают в работе М.Ю.Юлдашева чрезвычайно много места: в общей сложности 63 страницы (из 135 страниц книги); если учесть, что из них около 60 страниц набрано петитом, то получится, что эти выдержки составляют более половины общего объема книги. Очевидно, автор придает этой стороне своей работы достаточно большое значение. Поэтому рассмотрим в первую очередь, как М.Ю.Юлдашев передает текст своих источников – насколько точно он их читает и переводит.

Большинство цитируемых М.Ю.Юлдашевым документов представляет собой по форме различного рода списки и реестры; их текст состоит в значительной степени из личных имен, географических и этнических названий и цифр. При их публикации (полной или в выдержках) задача заключается главным образом в правильном чтении и воспроизведении этих имен и названий⁶². Как справляется М.Ю.Юлдашев с этой задачей, показывают следующие примеры⁶³:

Стр. 22 (выдержки из трех списков земельных пожалований), стк. 14⁶⁴: Улам Ходжа (ср. Й ў л д о ш е в, стр.155: Уламо хўжа) – следует читать Аллама-хаджи⁶⁵; стк. 21: Абдул Багадыр (ср. Й ў л д о ш е в, стр. 155: Абдулло Баходир) – чит. Абул⁶⁶-багадыр; стк. 26: Мурад Кала (ср. Й ў л д о ш е в, стр. 155: Мурод кал) – чит. Мурад Кака⁶⁷; стк. 33: Сейд [так] Мухаммед бахиз (ср. Й ў л д о ш е в, стр. 156: Саййид Мухаммад қозоқ) – чит. Сейид Мухаммед дыкыз (?)⁶⁸.

⁶² Точность передачи всех имен, независимо от их исторического значения, не только является показателем умения читать рукопись; она важна для дальнейшего сопоставления публикуемых отрывков с другими документами, содержащими те же имена.

⁶³ Далее следует отнюдь не полный список различных ошибок.

⁶⁴ Здесь и далее счет строк ведется везде с в е р х у.

⁶⁵ علامه حاجی.

⁶⁶ آبول.

⁶⁷ كاكه.

⁶⁸ دىقز. См. также: Й ў л д о ш е в, стр.155-156, где эти списки приведены полностью и соответственно с большим числом искажений (ср. переводы двух последних списков: Ю.Э.Б р е г е л ь, Хорезмские туркмены в XIX веке, стр.242-245).

Стр. 25 (описания земельных участков) ⁶⁹, стк.5: "Худайберган Кулатасто - 50" - чит. "Худайберген Кул-Ата - 150"; стк. 13: "Юсуф бирназар, сын ходжи" - чит. "Юсуф из Ходжейли, брат бий-ходжи" ⁷⁰; стк. 16: Кузанбая - чит. Куванбая ⁷¹; стк.17: "земли кунградцев" - чит. "земли кунградских биев" ⁷²; стк. 17-18: "вакуф Шейхат Сахиб Бабы" - чит. "вакф шейха Ибн Хаджиб Баба" ⁷³; стк. 28: Ешна Сохиба - чит. Ибн Хаджиба; стк. 36: Чакал Мухаммед - чит. Чиль-Мухаммед ⁷⁴.

Стр. 26, стк. 38: "из Кохни (?) [вопросит.знак у Юлдашева]" - чит. "из Куна/-Ургенча/" ⁷⁵.

Стр. 59 (выдержки из списка рабовладельцев) ⁷⁶, стк.13: Мулла Дусмак - чит. Мулла Дусак ⁷⁷; стк. 14: Согырбай - чит. Санчар-бай ⁷⁸; стк. 19: Ир Мухаммеджан - чит. Ир-Мухаммед-бай.

Стр. 65 (описание земельных участков), стк. 34: Шадман Бек (то же: И ў л д о ш е в, стр. 136) - чит. Шадман-бике (женское имя); стк. 36: Тагай Максим - чит. Тагай-махдум (или махзум ⁷⁹; ср.: И ў л д о ш е в, стр. 136, где чтение правильное).

⁶⁹ Переводы этих описаний (которые М.Ю.Юлдашев называет на стр. 23 "исторически важными материалами") опубликованы им крайне небрежно: помимо множества ошибок в чтении имен и пр. он произвольно объединяет два разных документа (не объясняя, что один из них относится, по-видимому, к концу XIX, а другой - к началу XX в., и не объясняя их содержания и назначения), произвольно меняет порядок текста в документе № 454, вводит вымышленные заголовки (стр. 25, стк. 12), выпускает некоторые интересные места и пр.

⁷⁰ خواجه ایلی یوسف برادر بی خواجه. Титул бий-ходжа, как показывают документы архива хивинских ханов, носил правитель Ходжейли.

⁷¹ کووان بای.

⁷² قونکرات بی للوی بی.

⁷³ شیخ ابن حاجب بابانی وقفی.

⁷⁴ چهل محمد.

⁷⁵ کهنه اورکنج (вместо کهنه) - обычное в хивинских документах обозначение Куна-Ургенча.

⁷⁶ См: Архив ЛО ИВАН, ф. 33, оп. I, № II8, л.10 (у М.Ю.Юлдашева нет точной ссылки).

⁷⁷ دوساک.

⁷⁸ سانچر بای.

⁷⁹ مخدوم.

Стр. 71 (стр. 69-109 – полный перевод документа С 699), стк. 27: Карши (см. также Й ў л д о ш е в, стр. 31: Каршли) – чит. Гяш⁸⁰. Стр. 74, стк. 21: Кадыр Мухаммед – чит. Надир-Мухаммед (ср. Й ў л д о ш е в, стр. 33, где чтение правильное). Стр. 75, стк. 6: Ходжа – чит. Хаджи (такая же ошибка еще в нескольких случаях, напр. стр. 91, стк. 41, стр. 94, стк. 27). Стр. 78, стк. 32: "Юкари из Хистигана" – чит. Юкары Хистиган (название селения, ср. далее – Аяк Хистиган)⁸¹. Стр. 82, стк. 31 и 34: Бунгазак – чит. Бунгирак⁸². Стр. 83, стк. 9: "Рахим берды бай из Ширша" – чит. "Шершалы⁸³, мечеть Рахим-Берды-бай" (Шершалы, или Сершалы, – название урочища)⁸⁴. Стр. 84, стк. 3: "Мечеть Хонакох кишлак" – чит. "Ханках⁸⁵, мечеть Кышык-как⁸⁶". Стр. 84, стк. 33: "из Каралама" – чит. "из Карамана"⁸⁷. Стр. 84, стк. 51: "Из Биркаъ" – чит. Берек-Али⁸⁸. Стр. 85, стк. 9: "Ахунд из Барака" – чит. "Мечеть Берек-Али-ахунд"⁸⁹. Стр. 86, стк. 6: Кутловид – чит. Кирлаут⁹⁰. Стр. 87, стк. 16: Бурдак – чит. Бурлак⁹¹. Стр. 89,

⁸⁰ كەشى. Произношение этого названия было выяснено П.П.Ивановым (см. его Архив хивинских ханов, стр. 40).

⁸¹ Ср.: там же, стр. 44.

⁸² بونغبراق و بونغبراق (это название достаточно ясно читается в ряде документов, напр., № 67, л. 88а).

⁸³ شەرشالى.

⁸⁴ Ошибка могла возникнуть отчасти вследствие непоследовательной передачи М.Ю.Юлдашевым относительных прилагательных с аффиксом -ли, образованных от географических названий (слова типа кыятли передаются несколькими способами: "из Кыята", "кыятский", "кыятцы", "кыятли", просто "Кыят" и даже "из Кыятли"). При этом конечное -ли отбрасывается или переводится оборотом с "из..." иногда и в таких случаях, когда этого делать нельзя (ср. также ниже поправку к стр. 89, стк. 17).

⁸⁵ В оригинале خانقاهى (в совр. произношении "Ханка").

⁸⁶ قەيشىق قاق; ср.: П.П.Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 43.

⁸⁷ قرەمانى; ср. там же, стр. 45.

⁸⁸ بەرکەلى; это имя нередко встречается в хивинских документах (произносилось, по-видимому, Беркели, судя по другому написанию – بەرکەلى); ср. выше, прим. 84.

⁸⁹ بەرکەلى آخوند. Ср. предыд. прим.

⁹⁰ كرلاوت; ср.: П.П.Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 43.

⁹¹ بۇرلاق.

стк. 17: "Муфти из Яфа" - чит. "Мечеть Муфти-яфли" (т.е. мечеть, расположенная на канале Муфти-яб). Стр. 92, стк. 3: бабжабан - чит. баджман ⁹². Стр. 94, стк. 5: Ходжа Норса - чит. Ходжа Парса ⁹³. Стр. 98, стк. 35: "Вафчи из Шабека буйи" - чит. "Вафчи по течению [канала] Шах-бике" ⁹⁴. Стр. 98, стк. 46: Асамаддин - чит. Исамаддин ⁹⁵. Стр. 98, стк. 49: Бабаланах - чит. Баба-лак ⁹⁶. Стр. 99, стк. 17: Джан Мухаммед - чит. Чал ⁹⁷ - Мухаммед. Стр. 100, стк. 37: Хиян Кулиталык - чит. Чин-Кули-атаалык. Стр. 101, стк. 12: Мухаммед Нияз - чит. Мухаммед-Зия. Стр. 104, стк. 55: "Мухаммед Юсуп бек из Аякчи хаули" - чит. "Арьякчи" ⁹⁸ (т.е. владеющие землей на правом берегу Амударьи). Усадьба (хаули) Мухаммед-Юсуф-бека" ⁹⁹. Стр. 106, стк. 19: "Маскид Дабдарёи Тома" - чит. "Мечеть Тама на берегу [Аму-/Дарья]" ¹⁰⁰. Стр. 106, стк. 41: Хиян Тимур - чит. Чин-Тимур. Стр. 106, стк. 50: Теляв баходир - чит. Тилеу-Берды-бахадир. Стр. 107, стк. 28: "Теляв мираб из Буки" - чит. "Тилеу-мираб ич-бука" ¹⁰¹. Стр. 108, стк. 1: Нурмон - чит. Нурджан. Стр. 108, стк. 21: Кулам - чит. Кулан ¹⁰². Стр. 108, стк. 27: "Яримчи Мулкдар из Арнабуя, мулкдар Манги, кипчак, кангли, ёсубуйли" - чит. "Яримчи по течению [канала] Арна" ¹⁰³, мулкдары [района] Хитай, мулкдары [районов]

⁹² باجمان.

⁹³ پارسا.

⁹⁴ شاه بيكه بويى وقىچى. Название канала Шах-бике-яб часто встречается в различных документах.

⁹⁵ عصام الدين.

⁹⁶ بابالاق.

⁹⁷ چال.

⁹⁸ ارياقچى.

⁹⁹ Ср. также ниже, стр. 105, стк. 16: "Рахман берды бай из Арякчи хаули".

¹⁰⁰ مسجد لب دريائى طمه. Тама - известное название рода.

¹⁰¹ ايج بوقه; это - название родового подразделения (ср. выше, стр. 106, стк. 39, где это же название, которое в оригинале написано так же, передано как Илбука).

¹⁰² قولان.

¹⁰³ Арна (также Аталык-арна и Мангыт-арна) - крупный канал в районе Мангыта.

Мангыт, Кипчак, Канглы, по течению /канала/ Басу" ¹⁰⁴.

Несколько названий в переводе документа С 699 искажено вследствие того, что М.Ю.Юлдашев читает конечное а (ا) как н (ن): стр. 76, стк. 9 - Мугалчен в.м. Мугалча ¹⁰⁵; стр. 76, стк. 29 - Сафчен в.м. Сафча ¹⁰⁶; стр. 78, стк. 50 - Кудженский в.м. Куджалы ¹⁰⁷; стр. 97, стк. 40 - Куш бутан в.м. Кош-бута ¹⁰⁸.

Много ошибок встречается в русских переводах цитат из источников. На стр. 16 помещен безграмотный перевод документа, относящегося к каракалпакам ¹⁰⁹. На стр. 23 помещена цитата из сочинения Баяни, которая в действительности является лишь сокращенным и искаженным пересказом ¹¹⁰. На стр. 25, стк. 28-29, вместо слов "25 тан., 1 казучи; остальная /часть земель/ расположена на окраине" следует читать "25 тан.; 1 казучи, остальное - необрабатываемая земля" ¹¹¹ (то же - на стр. 26, стк.

¹⁰⁴ ازا بويلى يارمى ملك دار خطاي ملك دار مانكنيت قچاق قنكلى باسو بويلى.

¹⁰⁵ مغالچه.

¹⁰⁶ صفچه.

¹⁰⁷ كوچهلى. Ср.: П.П.Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 44 (Гёдже, на 10-верстной карте Гуджа; по-видимому, начальная буква произносится как г).

¹⁰⁸ قوشى بوت.

¹⁰⁹ Ср. об этом документе ниже, стр. 66.

¹¹⁰ Ср. перевод этого места у Я.Г.Гулямова (История орошения Хорезма..., стр. 221).

¹¹¹ بر قازوچى باقى سى ادرا. Здесь, как и в других местах, М.Ю.Юлдашев совершенно невразумительно передает смысл этого документа (ср. выше, стр. 48, прим. 69), который содержит материалы проверки обрабатываемых земель в районе Куна-Ургенча в 1322/1904-05 г. По форме это списки землевладельцев с указанием количества земли у каждого. Над строкой почти везде есть пометки, содержащие цифры казучи и слово адра. Из пояснений, имеющих в этом же документе, видно, что термин казучи в данном случае обозначает не рабочего, выставляемого в порядке ирригационной повинности, а 10 тананов обрабатываемой земли, с которых должен был выставляться такой рабочий (что соответствует одному су - ирригационной единице); адра (отнюдь не "одра") означает "необработанную землю" в противоположность ахйа - "оживленной", обработанной земле (ср. пояснение М.Ю.Юлдашева на стр. 25, прим. 50: "Одра - необработанные земли, расположенные за пределами кишлака" [?/?/?]). Таким образом, пометки над строкой указывают, какая часть земли, числящейся за данным лицом, является обработанной, а какая не обработана.

I: вместо "70 тан. на окраине" должно быть "70 тан.; необрабатываемая земля"). На стр. 71, стк. 52, слова реестра "освобожденных от [повинности] казу (би-казу)-один" ^{II2} переведены "неработающих казиев [?!] - один". На стр. 77 к словам реестра "казучи - двадцать" дана сноска: "См. л. 17, справа, вторая строчка: из этих 20 казучи 5 казучи принадлежат Мухаммеду Юсуп беку Догмалари"; в тексте вместо этих загадочных слов после "казучи - двадцать" сказано: "рабы Мухаммед-Юсуф-бека - пять" ^{II3}. На стр. 103, стк. 16, слова "Мечеть держащих (или получивших) землю в Уйгуре" ^{II4} переведены "Содержавшаяся земля Маджиди Уйгура". На стр. 104, стк. 28-30, вместо непонятного "казучи - девятнадцать, из Шараф Атайходжи, ярлыкдаров - пять" следует читать "казучи - девятнадцать; пять ярлыкдаров из ходжей Шараф-атайи" ^{II5}. Без перевода оставляются слова (и даже целые фразы), которые, несомненно, надлежит переводить, например: "хазрат" (в значении 'его величество', 'государь' - если имеется в виду хан) ^{II6}, "зигир" (лен, льняное семя; стр. 27, 32), "Салур арасида ер туткан" ('державший землю среди салоров'; стр. 45, стк. 14), "маскид" (стр. 70, 106 и др.), "маджид" (стр. 88, 89 и др.), "мажид" (стр. 88) (все это вместо "мечеть", хотя в других случаях на тех же страницах это слово переводится), "сув олган" ('затоплено'; стр. 106, стк. 34; далее несколько раз те же слова переведены), "джуй/-и/..." ('по течению...'; стр. 99), "буйли" (стр. 105, 108, 109 и др.; это слово после названия канала нужно переводить просто "по", "по течению", напр. "Хайбат буйли" = "по [каналу] Хайбат"), "сагир" ('малолетний, несовершеннолетний'; стр. 69-109).

II2

بيير بي قاضو.

^{II3} محمد يوسف بيك دوغملاري بيئش. Эти слова правильно переданы самим М.Ю. Юлдашевым (стр. 77, стк. 2), но снабжены бессмысленным примечанием.

II4

مسجد اويغوردين ير توتغان.

^{II5} شرف اتاي خواجه لار بيئش ياربغ دار. Ходжи Шараф-атайи - одна из известных групп ходжей в Хорезме, потомки шейха Шараф-ата.

II6

Встречается во многих местах, см. особенно стр. 24, 25, 44, 105; на стр. 72 внизу переведено "его светлость" (без пояснения).

Переводы документов или выдержек из них публикуются М.Ю.Юлдашевым весьма небрежно: во многих случаях встречаются пропуски и лишние слова ¹¹⁷; не выделяются должным образом заглавия ¹¹⁸ и, с другой стороны, даются несуществующие заглавия ¹¹⁹; неправильно отмечаются листы оригинала ¹²⁰. Отсутствует самая элементарная унификация транскрипции ¹²¹ и орфографии имен ¹²², вследствие чего одно и то же имя или название может быть в разных местах

¹¹⁷ См., в частности: стр. 68 (список сборщиков налога из архива Куна /оп.1, № 1017, с большими пропусками, нигде не оговоренными); стр. 81, стк. 31 (пропущены слова: "всего хозяйств - 774"); стр. 86, стк. 21-23 (лишний текст); стр. 87, после стк. 27 пропуск (сведения по одной мечети, ср. оригинал, л. 41б); стр. 88, после стк. 53 пропуск (сведения по одной мечети, ср. оригинал, л. 44б-45а); стр. 89, после стк. 7 пропуск (сведения по одной мечети, ср. оригинал, л. 45а); стр. 91, стк. 13 (лишние слова "казучи один"), стк. 14-19 (лишний текст); стр. 101, стк. 7 (перед словом "ярлыкдаров" пропущены слова "Гурлен, Везир, Кара-тал, Баглан"); стр. 104, стк. 55 - стр. 105, стк. 7 (весь этот текст не на месте, он должен быть на стр. 105 после стк. 26); стр. 108, стк. 31 (пропущены слова "всего хозяйств - 1887"). На стр. 69-109 в переводе очень часто опущено слово "мечеть" там, где оно есть в оригинале, и вставлено там, где в оригинале его нет.

¹¹⁸ На стр. 69-109 заглавия (названия административных округов и урочищ) почти везде соединены с названием первой мечети в данном округе (причем сперва помещается название мечети, а потом - название округа); в результате почти невозможно разобраться, в каком округе или урочище находится та или иная мечеть (ср.: И у л д о ш е в, стр. 30 и сл., где заглавия большей частью выделены).

¹¹⁹ На стр. 22 вместо придуманных М.Ю.Юлдашевым заголовков "Раздача земель должностным лицам из Уйгура" и "Раздача земли чиновникам" следует в обоих случаях читать "Земли, розданные в /районе/ Уйгура" (اويغوردين بريكان بى). См. также выше, прим. 69.

¹²⁰ На стр. 69 перевод документа С 699 начинается с листа "1б", в то время как это на самом деле лист 7б (выше на этой же странице сам М.Ю.Юлдашев указывает, что "записи начинаются с седьмого листа"); далее до конца не только следует неверная пагинация, но и в подавляющем большинстве случаев неверно отмечается начало новой страницы.

¹²¹ Это относится не только к выдержкам из документов, но и к работе в целом, а также ко всем остальным упомянутым выше (прим. 49) работам М.Ю.Юлдашева. Приводить здесь отдельные примеры не имеет смысла: их можно найти почти на любой странице книги (достаточно указать, что слово اڤا передается четырьмя (!) способами: ака, ага, ако и око). Помимо того, что М.Ю.Юлдашев не придерживается какой бы то ни было системы транскрипции - ни научной, ни какой-либо "практической", у него нередки и прямые ошибки (вроде Нияз Давурды вм. Нияз-Дурды или одра вм. адра (или эдра)).

¹²² Одни и те же имена и названия пишутся то раздельно, то слитно; их составные части пишутся то со строчной, то с прописной буквы и т.п.

(часто на одной и той же странице) написано по-разному (нередко встречается по 4–5 вариантов!).

Сказанное выше заставляет сделать вывод, что М.Ю. Юлдашев не в состоянии достоверно передать текст своих источников и читатель не может быть уверен в том, что публикуемые им выдержки всегда точно соответствуют оригиналу. Уже одно это обесценивает более половины его работы.

Не лучше (если не хуже – что, впрочем, вряд ли возможно) обстоит дело с а н а л и з о м этих источников, который составляет в общей сложности другую половину работы М.Ю. Юлдашева.

Здесь прежде всего необходимо отметить, что во многих случаях он не понимает смысла используемых им источников и дает им совершенно неверное истолкование, в чем можно убедиться из следующих примеров.

На стр. 14 говорится: "Земли, занятые старыми хозяйствами, захватывались кочевниками речь идет о XVI–XVII вв.". В связи с этим происходит переселение большого количества хозяйств, не имевших соответствующих документов на право владения землей, из обжитых районов на новые целинные земли. Например, население Ургенча получило большое количество земель к западу от Ханки". К последней фразе дается ссылка на Муниса, рукопись ЛО ИВАН Е 6, л. 53. На этом листе ничего похожего нет, но совершенно очевидно, что имеются в виду следующие слова Муниса (указ. рукопись, л. 32а) в рассказе о деятельности хана Абулгази: "... и, переселив население Ургенча, он построил для них город к западу от Ханкаха и дал им много земли; теперь Ургенчем называется это место" ¹²³. Этот рассказ, однако, не имеет никакого отношения к захвату земель оседлого населения кочевниками и пр. Речь идет о хорошо известном событии: вследствие высыхания западного русла Амударьи население старого Ургенча (как и других городов этого района) вынуждено было переселиться на восток, и при Абулгази был построен новый Ургенч, где были поселены жители старого города, с тех пор заброшенного ¹²⁴.

На стр. 18 сообщается, что в начале XIX в. "родовые земли стали частной собственностью родовой знати", а на стр. 48 повто-

¹²³ *اورکنج خلقيں کوچوروب خانقاه نينک مغرب جانبي دا قلعه*
ساليب کوب یريردی حالا اورکنج اولو وضع دور

¹²⁴ См.: В.В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, – Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 178; Я.Г. Гулямов, История орошения Хорезма..., стр. 198–199.

ряется, что "Мухаммед Рахим-хан еще в первые годы XIX в. закрепил родовые земли за знатными людьми отдельных родов". В обоих случаях нет ссылки на источник, однако из соответствующих мест диссертации М.Ю.Юлдашева ¹²⁵ и одной из его статей ¹²⁶ выясняется, что основанием для такого утверждения послужили слова Н.Н.Муравьева о том, что Мухаммед-Рахим-хан, сохранив "32 чина" узбекской родовой знати, "оставил при сих чинах родовые земли и их поместья". Вывод М.Ю.Юлдашева (играющий немаловажную роль в его дальнейших построениях) основан на непонимании выражения "родовые земли" у русского автора начала XIX в. (ср. приводимые самим М.Ю.Юлдашевым несколько ниже, на стр. 21, слова Муравьева о "родовых поместьях" хана).

На стр. 21 приводятся сведения о количестве зерна, "содержавшегося в ханских закромах", что свидетельствует "об огромных площадях земли, которой владел хан". В действительности эти цифры (взятые из документов № 39 и 82 ¹²⁷) указывают общее количество зерна, поступившего с земель двух категорий — мульк и хасса ¹²⁸, причем с земель мульк поступало значительно меньше, нежели с хасса. Бесспорно принадлежали хану упоминаемые в этих документах земли мульк. Что касается земель хасса, то, по мнению П.П.Иванова ¹²⁹, этот термин обозначал в документах государственные земли; последнее весьма вероятно, хотя вопрос не может еще считаться окончательно решенным (см. об этом ниже, стр. 79). Во всяком случае, те цифры, которые приводит М.Ю.Юлдашев, не дают возможности судить о землях, находившихся в собственности хана.

На стр. 37 говорится: "Статистические же сведения, содержащиеся в книге полковника Лобачевского, оказались неверными. Генерал Гульшановский [*sic*], начальник Амударьинского отдела, писал хивинскому хану: "Все материалы, представленные полковнику генерального штаба Лобачевскому, неверны, уменьшены безбожно" ". В

¹²⁵ И. Ю. Юлдашев, стр. 85.

¹²⁶ См.: "Изв. АН УзССР, сер. обществ. наук", 1959, № 3, стр. 38.

¹²⁷ Ссылка (прим. 36 на этой странице) дана ошибочно на "тетр. № 30, л. 82".

¹²⁸ Ср.: П.П.Иванов, Архив хивинских ханов, стр. II4-II5.

¹²⁹ Там же, стр. 24, прим. 4.

действительности в письме, на которое ссылается М.Ю.Юлдашев¹³⁰, генерал-майор Глушановский пишет: "Статистические сведения, присланные Полковнику Генерального Штаба Лобачевскому, оказались неточными и неясными" и далее поясняет: вызывает сомнение то, что цифры количества населения и скота равны или меньше цифр, полученных в 1907 и 1900 гг.; в заключение он требует от хивинского правительства "проверить и пересоставить" эти сведения, а также представить некоторые дополнительные данные. Далее в том же деле помещены эти новые данные¹³¹, причем они совпадают с теми, что опубликованы в книге Лобачевского. Таким образом: 1) цитируемый М.Ю.Юлдашевым документ говорит не о неверных сведениях в к н и г е Лобачевского, а о "неточных и неясных" сведениях, полученных п е р в о н а ч а л ь н о Лобачевским и возвращенных затем для исправления; 2) сомнение вызвали не "все материалы", а только цифры количества населения и скота (между тем М.Ю.Юлдашев ссылается на этот документ в доказательство того, что преуменьшены цифры количества земель); 3) в книге Лобачевского были помещены исправленные сведения.

На стр. 44 говорится: "Обратимся теперь к сведениям о частновладельческих землях, помещенных в тетради № 34", после чего (стр. 44-46) приводится список мечетей некоторых районов ханства с указанием сумм поступавшего с них салгута. На основании этого списка делается вывод (стр. 46): "По 75 мечетям¹³² каранда [арендаторы мульковых земель, согласно М.Ю.Юлдашеву] уплатили 1235 тилля. Следовательно, они обрабатывали 6175 танапов земли, а это лишь незначительная часть площади, являвшаяся [sic] собственностью землевладельцев". Однако из этого списка 15 мечетей (стр. 44, стк. 28-45) находились не на "частновладельческих", а на вакуфных землях, о чем говорят заголовки, приводимые самим М.Ю.Юлдашевым, а 14 мечетей, упоминаемые на л. 66б (стр. 45, стк. 1-14), находились, по-видимому, на государственной земле, о чем говорит заглавие (не приведенное М.Ю.Юлдашевым) "Те, кого

¹³⁰ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. I, № 527, лл. 5-6. В прим. 68 на стр. 37 две ошибки в ссылке: ф. Р-125 и л. 4, 40б.

¹³¹ По-видимому, исправленные сводные данные представлены в деле 528 (ф. И-125, оп. I).

¹³² В действительности М.Ю.Юлдашев приводит названия 85 мечетей.

наделил землей Тагай-мираб¹³³. М.Ю.Юлдашев выбрал из тетради № 34 названия 85 мечетей, исходя из того, что термин каранда обозначал, по его мнению, безземельных арендаторов мульковых земель (см. стр. 39, 67); однако далеко не во всех случаях при названии мечети указано, что там жили каранда. Уже из всего этого видно, что список, приводимый М.Ю.Юлдашевым, не дает оснований для каких-либо выводов¹³⁴.

На стр. 66 говорится: "Данные о земельных участках богатых землевладельцев, разумеется, имеются в архиве. Приведем для примера одну из записей: "В 1269 (1852-1853) г., соответствующему [sic] году коровы, измерена Мухаммед Мурад Алием длина земли - 17 танапов, ширина - 10 танапов, всего - 170 танапов; внутренняя кала - длина 10 танапов, ширина 10 танапов, всего 100 танапов (итого 270 танапов)" "; к этой цитате дана ссылка на тетр. № 26, л. 82об. В действительности в цитируемой М.Ю.Юлдашевым записи сказано следующее: "1269, год коровы. Размеры крепости Байрам-Али: длина двух крепостей - 17 танапов, ширина - 10 танапов, всего (т.е. площадь) - 170 танапов; длина внутренней крепости - 10 танапов, ширина - также 10 танапов, всего - 100 танапов"¹³⁵. Речь идет здесь, несомненно, об измерении мервской крепости Байрам-Али-кала. Наличие такого рода записи в этом дафтаре не удивительно, так как в нем вообще много записей (в том числе предстоящие и последующие) связано с походами хивинцев на Мерв в 1264-1269/1847-1853 гг.¹³⁶; во время такого похода, очевидно, и было произведено упоминаемое здесь измерение. "Две крепости", о которых идет речь, - это городища Абдулла-хан-кала ("внутренняя крепость") и Байрам-Али-хан-кала, примыкающие друг к другу¹³⁷.

¹³³ طغای میراب نی یرواچای برکان لاری.

¹³⁴ Кроме того, ошибочная интерпретация М.Ю.Юлдашевым этого списка связана с тем, что он неверно толкует вопрос о налоге с арендаторов (см. ниже).

¹³⁵ ۱۲۶۹ سفرییلی بایرام علی نی قلعه سی اوچایکی ایکی قلعه نینک اوزینی اون یتی طناب اینی اون طناب جمعی یوز یتیمیش طناب ایچکاری قلعه نی اوزینی اون طناب اینی هم اون طناب جمعی یوز طناب.

¹³⁶ Ср.: П.П.Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 173-176.

¹³⁷ Ср. план городищ: О.В.Обельченко, Городища Старого Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г., - "Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции", Ашхабад, 1963, т. XII, стр. 313. Указанные в приведенной выше записи размеры (1 танап = прибл. 63 м) совпадают с теми, которые изображены на этом плане (ср. также длину стен Абдулла-хан-кала в той же статье, стр. 311: 695 и 630 м). "Длина двух крепостей" - это, очевидно, общая длина Бай-

Как видим, М.Ю.Юлдашев не только неверно прочел текст, но и совершенно не понял содержания документа.

Тут же вслед за этим (на стр. 66) следует новая передержка. М.Ю.Юлдашев пишет: "Картина контрастности еще более усугубляется, если мы ознакомимся с тем, как выглядел дом хивинского феодала"; после этого он приводит цитату из Вамбери с описанием дома. Обращаясь к оригиналу¹³⁸, мы видим, что там помещено описание отнюдь не "дома хивинского феодала", а типичного, по мнению Вамбери, среднеазиатского (даже не хивинского) дома вообще¹³⁹. Таким образом, эта цитата "усугубляет" только картину искажения источников М.Ю.Юлдашевым.

На стр. 108-109 в переводе документа С 699 встречаются следующие загадочные выражения: "Денег - две тысячи двести двадцать одна тилля. Чорак - четыре¹⁴⁰"; "Денег - две тысячи девятьсот десять тилля. Сечорак - шестнадцать, т.е. 16 3/4 тенга"; "Денег - две тысячи семьсот шестьдесят одна тилля. Чорак - тридцать, т.е. 13 3/4¹⁴¹"; "Денег - одна тысяча восемнадцать тилля восемнадцать сечарак тенга"; "Денег - одна тысяча шестьсот восемьдесят шесть тилля. Чорак - четыре и сечорак тенга = 3/4¹⁴²". Из этого "перевода" можно, очевидно, заключить, что выражение се чар йак теньга М.Ю.Юлдашев понимает как "3/4 теньги". Однако, во-первых, в этом случае можно было бы ожидать, что се чар йак будет стоять после теньга (он алты теньга се чар йак и т.п.), и, во-вторых, кажется странным, что почти во всех итоговых суммах имеются "3/4 теньги". Объяснение, очевидно, заключается в том, что се чар йак (или се чар йак теньга) в 1840-х годах было названием монеты - определенного вида теньги. По свидетельству

рам-Али-хан-кала и Абдулла-хан-кала (в направлении юго-запад - северо-восток).

¹³⁸ Г. В а м б е р и, Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 107-108 (у М.Ю.Юлдашева неверная ссылка: стр. 202).

¹³⁹ Ср. аналогичный прием в другом месте: на стр. 21 приводится цитата из книги Муравьева с описанием общего вида "обработанного ядра ханства" и говорится, будто Муравьев описывает "поля и уголья... знати".

¹⁴⁰ В оригинале: تورت سه چاريک تنگه.

¹⁴¹ В оригинале: اون اوج سه چاريک تنگه.

¹⁴² В оригинале: تورت سه چاريک تنگه.

Г.И.Данилевского ^{I43}, в 1842 г. в Хивинском ханстве были в обращении две серебряные монеты: "сичерик или ак-тенга" (по курсу - 75 коп. ассигнациями, т.е. 1/20 тилли или 3/4 "аббаса" ^{I44}) и "кара-тенга" (по курсу - 50 коп. ассигнациями). По-видимому, "сичерик" (т.е. се чар йак), содержащая больше серебра, чем "кара-тенга", получила свое название оттого, что составляла 3/4 аббаса. В цитируемом у М.Ю.Олдашева документе, несомненно, упоминается эта денежная единица ^{I45}.

На стр. 113, после сообщения о восстании Мухаммеда-Пана в Кунграде в 1858-1859 гг., говорится: "По документам архива можно установить, что восстание было подавлено и ханские власти жестоко расправлялись с дехканами. Наиболее активные участники движения были казнены". При этом дана ссылка на ряд листов дафтера № 25 (лл. 111б, 112б и др.). Обращаясь к соответствующим местам оригинала, мы не найдем упоминания ни о восстании и его подавлении, ни об "активных участниках движения", ни о казнях. На этих листах находятся списки землевладельцев (плательщиков салгута) округа Ходжейли. Единственное, что могло дать повод М.Ю.Олдашеву для его заключения, - это имеющиеся на этих листах пометки над и под некоторыми именами налогоплательщиков: "умер" ^{I46} (обычно под именем), "по приказу его величества" ^{I47} (обычно над именем); последняя пометка большей частью сопровождается датой - "1275" (1858-59 г.), и имя, при котором имеются пометки, вычеркнуто. Истолковать такие пометки как свидетельства о казнях можно только при полном непонимании текста и невнимательном изучении документов, связанных со сбором салгута. Слово "умер" никак не может быть связано со словами "по приказу его величества", даже если они стоят не в разных местах, а рядом (есть и такие случаи). Пометка "умер", как и все другие пометки, указывающие на

^{I43} Описание Хивинского ханства, стр. 139.

^{I44} Т.е. аббаси; аббаси было только счетной единицей ("именовательная монета").

^{I45} Ср. еще в последнем итоге, где се чар йак употребляется вообще без слова тенгга: قرق آلتی مینک اوج یوزاون آلتی طلا . . . بیش سه چاریک .

^{I46} مرده .

^{I47} بامر حضرت .

изменение положения налогоплательщика (уменьшение или увеличение земельного участка, переход земли к малолетним детям и пр.), ставилась, очевидно, сборщиком налога (вернее, его писарем) и являлась основанием для последующего изменения налога или исключения данного лица из списка. Однако такого рода изменения могли быть произведены только по распоряжению высших чиновников или самого хана ¹⁴⁸; они также отражались в соответствующих пометках (о переводе в другую категорию налогоплательщиков, освобождении от налога и т.п.) или в вычеркивании из списка. В данном случае пометки означают, что умершие налогоплательщики были исключены из списка по распоряжению хана в 1275/1858–59 г. ¹⁴⁹. Исключение из списков по приказу хана встречается и на других листах этой тетради и во многих других тетрадях архива (в том числе в списках нукеров ¹⁵⁰); в цитируемом М.Ю.Илдаровым дафтаре (и на тех же листах) некоторые имена умерших лиц вычеркнуты со ссылкой не на приказ хана, а на слова каких-либо сановников ¹⁵¹. Все это, конечно, не имеет никакого отношения к казни "наиболее активных участников движения" Мухаммеда-Пана ¹⁵².

¹⁴⁸ Ср. Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч.П, стр. 44: "Делать какие-либо исправления в податных книгах сборщик податей не имеет права, хотя бы необходимость таких исправлений была очевидна, но о всех недоразумениях при сборе податей он обязан сообщить надлежащим сановникам, которыми и решается окончательно вопрос о переменах в податных списках".

¹⁴⁹ Очевидно, эти налогоплательщики умерли в промежутке между двумя сборами налогов, т.е. между 1274 и 1275 гг.х. Очень большое количество исключенных ввиду смерти из списков в этом дафтаре заставляет предполагать, что это было следствием эпидемии. Действительно, участник русского посольства в Хиву 1858 г. Е.Килевейн сообщает, что летом 1857 г. /т.е. как раз в конце 1274 – начале 1275 гг.х./ в Хиве свирепствовала сильная эпидемия, по всей вероятности холеры (см. "Зап. Имп.Русского географич. об-ва", СПб., 1861, кн.1, стр. 103).

¹⁵⁰ Ср., напр.: П.П.И в а н о в, Архив хивинских ханов, стр. 182.

¹⁵¹ Напр., л. 132а: *مردہ یساو لباشی گفت*.

¹⁵² Несостоятельность утверждения о связи пометок в дафтаре № 25 с подавлением восстания Мухаммеда-Пана, помимо всего, видна также из того, что пометки сделаны в списках землевладельцев округа Ходжейли и других округов, на которые восстание никогда не распространялось.

На стр. II5 М.Ю.Юлдашев, приводя цифры числа налогоплательщиков в отдельных мечетях и районах, упоминает (без перевода) термин "сият хан хазрет" (также "сият хазрет", а в таблице на стр. II7 - "сият хан"), к которому он дает следующее примечание: "Нами не установлено, что означает сият хан хазрет - звание или должность". Здесь он не понял обычного слова, зафиксированного также в словаре современного узбекского языка, и неверно его транскрибировал; в современной графике оно пишется сайёд ^{I53} - 'охотник, ловец'; таким образом, сайёд-и хан-и хазрат значит 'егерь его величества хана', и "устанавливается" это хотя бы при знакомстве со словарем.

На стр. II7-II8 говорится: "П.П.Иванов, исходя из материалов тетради № 38, сделал ошибочные выводы о том, что нукерская служба была настолько тяжелой, что от нее старались избавиться. Между тем, тетрадь № 38 содержит список не нукеров, а музыкантов мальчикового гарема. Насильственно забранные из родных домов, дети бежали сттуды, а зачастую родители мальчиков или их богатые покровители добивались освобождения детей". Ознакомление с дафтаром № 38 показывает, что П.П.Иванов ^{I54} был прав, а утверждение М.Ю.Юлдашева является вымыслом. Тетрадь содержит списки нукеров трех военачальников: Худай-Берген-серхенга (лл. 26-3а), Абдурахман-серхенга (лл. 19б, 20б-30а) и Палван-бай-серхенга (л. 34б и далее); каждому из них подчиняется несколько отрядов (десте) во главе с юзбаши ^{I55}. В списках нукеров каждого из серхенгов первым помещен особый отряд музыкантов ^{I56}, причем в списке музыкантов Худай-Берген-серхенга (лл. 26-3а)

^{I53}

صیاد.

^{I54} Архив хивинских ханов, стр. 181-183.

^{I55} П.П.Иванов не заметил разделения отрядов на три части с серхенгами во главе. Документ, очевидно, представляет собой список сарбазов - особого рода войска (по всей вероятности, нечто вроде постоянных частей по иранскому образцу), которое, по словам А.Л.Куна, было создано при Сейид-Мухаммед-хане (см. пометку Куна, приведенную П.П.Ивановым, Архив хивинских ханов, стр. 32). Сарбазы как особый род войска, под начальством серхенгов, неоднократно упоминаются в хивинских документах и хрониках Агехи.

^{I56} Соответствующие заголовки имеются на лл. 26 (سازنده لار), 19б (شیفوری لار) и 34 б (سرهنک سر باز لاری ینک) и 34 б (سازنده لاری).
پهلوان بای سرهنک سر باز لاری ینک (سازنده لاری).

при восьми именах (из общего числа 31) написано бала, т.е. "ребенок, мальчик"¹⁵⁷. Это, конечно, не дает оснований ни для утверждения о "мальчиковом гареме", ни тем более для утверждения, будто вся тетрадь содержит списки не нукеров, а мальчиков-музыкантов¹⁵⁷.

Приведенными примерами случаи непонимания источников М.Ю. Юлдашевым далеко не исчерпываются. Помимо неверного чтения и перевода и прямого искажения смысла источников нередки также случаи, когда М.Ю. Юлдашев делает выводы, отнюдь не вытекающие из использованных им материалов. Так, на стр. 20 говорится: "Если же в ханство просачивались отдельные виды западноевропейских товаров, то и их, как правило, ввозили через Россию"; при этом дана ссылка на архив хивинских ханов, тетр. № 22. Указанная тетрадь содержит ведомости зеката, полученного с купцов, прибывших из России, причем среди прочих товаров упоминается ферэнги чит (европейский ситец). Сделать на этом основании вывод, что западноевропейские товары, "как правило", ввозили через Россию, можно лишь при незнакомстве не только с приемами анализа источников, но и с элементарной логикой¹⁵⁸. На стр. 23 М.Ю. Юлдашев приводит названия нескольких ханских поместий, после чего пишет: "Интересно отметить, что имена и звания управляющих этими хозяйствами (Мулла Хусейн, Ширмухаммед мушриф, Мирза хан, Мулла Пахлаван) свидетельствуют о мирном характере их деятельности. Но среди управляющих других земель мы встречаем такие имена, как Рахматулла ясаулбаши, Шамурад инак, Тагай мираб. Их звания говорят о том, что для управления этими хозяйствами, основанными на принудительном труде, требовалось применение военной силы"¹⁵⁹. Абсурдность та-

¹⁵⁷ О том, что речь идет отнюдь не о мальчиках, М.Ю. Юлдашев, помимо всего прочего, мог бы догадаться и по некоторым пометкам в списках, свидетельствующим об освобождении от служб по старости (л. 8а) и по ходатайству жен (лл. 5а, 40б).

¹⁵⁸ Между прочим, в документах архива имеются сведения о поступлении в Хиву западноевропейских товаров и из Ирана (см.: П.П.И в а н о в, Архив хивинских ханов, стр. 136). Рассуждая по методу М.Ю. Юлдашева, можно было бы на этом основании заключить, что такие товары, "как правило", ввозились через Иран.

¹⁵⁹ Это повторяется и в заключении (стр. 130) среди основных выводов, сделанных автором на основе изучения налоговых тетрадей хивинского архива.

кого "анализа" очевидна и не требует особых комментариев ¹⁶⁰. На стр. 65-66 приведены отрывки из описания мелких земельных участков, принадлежавших нескольким землевладельцам (приведено десять имен) ¹⁶¹. Назначение этого документа, как и местонахождение описываемых земель, неясны ¹⁶², и М.Ю.Юлдашев не пытается это установить; он не говорит также о том, имеются ли где-либо еще аналогичные документы или вообще аналогичные сведения. Тем не менее на основании этого случайного документа он делает весьма широкие выводы, относящиеся к крестьянскому землевладению в Хивинском ханстве в целом (максимальные размеры наделов ¹⁶³ и пр.). На стр. 112-113 М.Ю.Юлдашев приводит слова Баяни ¹⁶⁴ о Мухаммеде-Пана, возглавившем восстание в Кунграде в 1858 г. По словам хивинского историка, Мухаммад-Пана перед восстанием "по своей несчастливой судьбе" лишился земли и вынужден был служить работником у разных лиц. На этом основании (никаких других сведений об участниках восстания не приводится) М.Ю.Юлдашев заявляет, что восстание "носило характер крестьянского, народного движения", что его подняла "беднейшая часть дехкан во главе с батраком Мухаммедом Пано" ¹⁶⁵.

Наряду с выводами, не вытекающими из источников, на которые ссылается М.Ю.Юлдашев, в его книге немало утверждений, вообще не

¹⁶⁰ Любопытно было бы, конечно, узнать, почему, скажем, имена Мирза-хан и Мулла Пахлаван свидетельствуют о "мирном характере деятельности" их носителей, а Памурад-инак и Тагай-мираб - о "применении военной силы".

¹⁶¹ В более полном виде этот документ приведен в диссертации (И У л д о ш е в, стр. 136-138); он содержит всего 22 имени.

¹⁶² Это описание земельных участков не связано ни с предыдущими, ни с последующими записями в той же тетради.

¹⁶³ При этом он утверждает: "Крестьянские земли были очень незначительны; не более 2-2,5 танапа"; между тем в документе мы видим и значительно большие участки (свыше 12 танапов), причем 10 человек из 22 владеют более чем 5 танапами.

¹⁶⁴ Баяни здесь пересказывает хронику Агехи, чего М.Ю.Юлдашев (как и в других случаях) не упоминает.

¹⁶⁵ М.Ю.Юлдашев игнорирует данные А.И.Бутакова, согласно которым Мухаммед-Пана был внуком Торе-Мурада-суфи, последнего независимого правителя Кунграда, побежденного в 1811 г. Мухаммед-Рахим-ханом (см.: Н.И.В е с е л о в с к и й, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, стр. 349-350).

подкрепляемых какими-либо источниками¹⁶⁶. В то же время обширные цитаты из источников приводятся им без всякого анализа. Так, на стр. 24-26 помещены без комментариев выдержки из двух документов, содержащих перечни земельных владений в двух районах ханства (предварительно только сказано: "До этого наука не располагала документальными сведениями о количестве земли, принадлежавшей отдельным землевладельцам в Хивинском ханстве. Поэтому приводим эти исторически важные материалы")¹⁶⁷. Вслед за этим на стр. 27-32 помещен перевод тетради, содержащей записи доходов и расходов царевича Атаджана-торе; предварительно (стр. 26) сказано: "Вот документ, который характеризует экономическую жизнь феодального хозяйства", а после перевода говорится: "Этот документ позволяет воссоздать экономическую жизнь крупного феодального хозяйства. Приведенные в нем цифры свидетельствуют о том, что средства, затрачиваемые на удовлетворение прихотей хозяина, намного превышали полугодовую и даже годовую оплату труда рабочих" (этим весь "анализ" исчерпывается). На стр. 68 помещен перевод сведений о сборщиках налогов в различных районах ханства, единственный вывод из коих сделан на стр. 67: "Материалы тетради свидетельствуют о том, насколько разветвленной была сеть налоговых агентов"¹⁶⁸.

При таком уровне понимания источников у М.Ю.Юлдашева и таких методах их интерпретации, естественно, трудно ожидать, что в его

¹⁶⁶ Таковы, например: рассуждения о вассальных родах, об уругах и кентах (стр. 15); путанные рассуждения об экономическом развитии Хивы (стр. 17-20, 62-63); утверждение о ликвидации кентов Мухаммед-Рахим-ханом (стр. 21); утверждение, будто обильная часть зерна из ханских закромов шла на рынок (стр. 21); заявления, будто "дехканина... вправе были продать как прикрепленного к земле" (стр. 39) и "бывали случаи, когда дехкан продавали и без земли" (стр. 56); сообщение о том, что "небольшую часть земли религиозные учреждения сдавали в аренду не издольщикам, а предпринимчивым людям..." (стр. 44); утверждение, будто "неуплата налога в установленный срок в Хиве являлась тягчайшим нарушением закона" (стр. III); утверждение, будто налог нередко были вынуждены платить "даже освобожденные от салгута дехкане" (стр. II2) и т.д. и т.п.

¹⁶⁷ М.Ю.Юлдашев не только не анализирует документов, отрывки из которых он приводит, но даже не считает нужным сообщить, что они относятся к концу XIX и XX в., т.е. к значительно более позднему времени, чем то, которое он рассматривает (ср. также выше, прим. 69 и III).

¹⁶⁸ Если уж расценивать этот документ с такой точки зрения, то он скорее свидетельствует как раз о сравнительной примитивности хивинского налогового аппарата.

работе могут оказаться какие-либо выводы, имеющие научное значение. Тем не менее небезынтересно рассмотреть, какие же выводы он делает по основным затрагиваемым им вопросам и каким путем он к этим выводам приходит.

О задачах своей работы М.Ю.Юлдашев говорит в нескольких местах. На стр. 5 он пишет: "На основе... материалов архива мы попытались воссоздать картину землевладения и налогового устройства Хивинского ханства XIX в.". На стр. 13 говорится несколько более осторожно: "Мы видим, сколь сложны и ответственны задачи настоящего исследования, ставящего своей целью осветить основные моменты землевладения Хивы XIX в." и далее: "... было бы неправильно ожидать исчерпывающего освещения аграрных отношений в Хиве в данной главе нашей работы... В нашу задачу входит изложение в свете архивных материалов лишь основных вопросов хивинского землевладения". Эти "основные моменты", или "основные вопросы", названы в кратком предисловии ("От автора"), в котором М.Ю.Юлдашев перечисляет все, что ему удалось "по-новому осветить", "установить", "выяснить" и "опровергнуть"; они сводятся к следующему: 1) образование в Хиве крупного землевладения (стр. 6); 2) "распределение земельного фонда страны, соотношение различных категорий землепользования" (стр. 5); 3) основные производители и формы эксплуатации (стр. 5); 4) "система поземельного налогообложения" (стр. 6).

Процесс образования крупного землевладения в Хивинском ханстве выглядит у М.Ю.Юлдашева следующим образом. В XVI-XVII вв. "земли, занятые старыми хозяйствами (т.е. доузбекским населением Хорезма. — Ю.Б.), захватывались кочевниками" (стр. 14). У самих же кочевников-узбеков "класс феодалов сложился... еще при введении ^[sic] кочевого скотоводческого хозяйства, крестьяне оказались фактически экспропрированными феодальной знатью еще до того, как начался процесс перехода к оседлости, и им приходилось оседать на землю уже в качестве безземельных" (стр. 16). В начале XIX в., при Мухаммед-Рахим-хане, была ликвидирована "прежняя родовая организация"; "акт аннулирования власти рода явился одновременно актом аннулирования его фиктивной власти на землю ^[sic], родовые земли стали частной собственностью родовой знати" (стр. 18). При дальнейшем оседании кочевников и освоении новых земель в XIX в. "феодальная верхушка захватывала... большую часть земель": освоение этих земель требовало строительства новых каналов, которые создавались совместным трудом ряда общин; "поскольку же строительство происходило при уже сложившемся фео-

дализме и так как кочевые феодалы присваивали продукты труда, то крестьянин не получал своей доли и из вновь осваиваемых земель" (стр. 16). Все эти рассуждения либо чисто спекулятивны, либо основаны на ошибочном истолковании источников. Положение, будто "крестьяне" еще до начала перехода к оседлости (в XVI в.) "оказались фактически экспропрированными феодальной знатью", является чистым вымыслом. Положение о захвате земель оседлого населения кочевниками обосновывается ссылкой на Муниса, текст которого ничего подобного не содержит (см. выше, стр. 54), и на слова бухарского историка о джуйбарских шейхах, что не имеет отношения к Хорезму. Утверждение о закреплении родовых земель в собственности родовой знати при Мухаммед-Рахим-хане основано, как было показано выше, на ошибочном толковании слов Н.Н.Муравьева. Наконец, утверждение о захвате большей части родовых земель знатью в XIX в. подкрепляется документом, который таких данных не содержит и вообще не понят М.Ю.Юлдашевым (документ относится к каракалпакам ¹⁶⁹, земельные отношения у которых им не рассматриваются, — ср. об этом ниже). Таким образом, при помощи всех этих аргументов для М.Ю.Юлдашева действительно "оказалось возможным по-новому осветить вопрос образования в Хиве крупного землевладения" (стр. 6), однако это "новое освещение" не имеет никакого отношения к научному исследованию.

На первый взгляд более убедительным выглядит освещение другого вопроса — о распределении земельного фонда страны и соотношении "различных категорий землепользования". Выводы М.Ю.Юлдашева о распределении земельного фонда получены следующим образом. Все земли в ханстве делились на частновладельческие (мульк), церковные ¹⁷⁰ (вакуф [sic]) и государственные (падшалык) (стр. 20) ¹⁷¹. Площадь двух видов земель — мульковых и государственных — для середины XIX в. может быть определена на основании на-

¹⁶⁹ Ср.: Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков, стр. 25-26, 79.

¹⁷⁰ М.Ю.Юлдашев и в других местах называет вакуфные земли "церковными".

¹⁷¹ Здесь же эти три вида земельной собственности называются "новыми формами", которые "сложились" в Хивинском ханстве "к XIX в." ¹⁷².

логовых реестров С 699 (1259/1843 г.) и № 34 (около 1270/1853-54 г. ¹⁷²). Площадь мульковых земель (кроме земель хана и крупных феодалов) вычисляется по косвенным данным ¹⁷³. В реестре С 699 указано, что мулькдары-налогоплательщики по ирригационной повинности (казу) выставляли 14 283 человека (казучи); так как одного казучи выставляли с каждых 10 танапов земли, то отсюда получается, что мулькдары-налогоплательщики (которых было "более 18 000 хозяйств" ¹⁷⁴) владели 142 830 танапами земли (стр. 35). Примерно такой же результат, по мнению М.Ю.Юлдашева, получается и при другом подсчете: "В архиве указано, что на отбытие трудовых повинностей выходило 21 079 человек. Эту же цифру, кстати, называет и А.Л. Кун" ¹⁷⁵; следовательно, население, несшее эту повинность, владело 210 790 танапами; так как помимо мулькдаров сюда входят и "арендаторы", то, отняв 81 361 танап (земля, обрабатывавшаяся "арендаторами", согласно С 699), получим 129 429 танапов в собственности мулькдаров-налогоплательщиков; разница в 13 000 танапов по сравнению с предыдущим подсчетом "не имеет принципиального значения" (стр. 35-36). Далее, определяется общая площадь земель у отдельных разрядов мулькдаров-налогоплательщиков: 1) низшего разряда ("адно") было 8404 хозяйства, их

¹⁷² Документ не имеет точной даты (ср.: П.П.Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 153); М.Ю.Юлдашев без каких-либо объяснений относит его к 1276/1859-60 г. (стр. 109-110 и др.).

¹⁷³ Владельцы мульковых земель (или "атаи-мульков", согласно русским авторам конца XIX - начала XX в.) были разбиты на три разряда: низший (до 5 танапов земли), средний (от 5 до 10 танапов) и высший (свыше 10 танапов); мулькдары соответствующих разрядов платили 1, 2 и 3 полных (или 2, 4, 6 малых) тилли салгута. При такой системе в налоговых книгах указывался только разряд, к которому принадлежал каждый налогоплательщик, а не размер его участка.

¹⁷⁴ В документе С 699 общее количество хозяйств "мулькдаров" указано 24 622; из них 7078 хозяйств (в основном нукеры, а также ярлыкдары, т.е. имевшие ярлык на освобождение от налога, и несовершеннолетние) не платили налога, и в этом документе не указано, как они распределялись по разрядам. Следовательно, налогоплательщиков было 17 544 хозяйства; каким образом у М.Ю.Юлдашева получилось "более 18 000" - неясно.

¹⁷⁵ Эта цифра, "кстати", и взята М.Ю.Юлдашевым именно у А.Л.Куна (см.: И у л д о ш е в, стр. 62-64 и 145, где ссылка на "архив" означает архив А.Л.Куна, а не документы хивинского архива); но Кун основывался, очевидно, на хивинских налоговых реестрах 1872-1873 гг.

средний надел – 2,5 танапа ^{I76}, итого, следовательно, 21 000 танапов; 2) среднего разряда ("авсат") было 5716 хозяйств, их средний надел ^{I77} – 7,5 танапа, итого – около 43 000 танапов; 3) так как два низших разряда имели всего 64 000 танапов, то на долю 3634 хозяйств высшего разряда остается около 65–78 тыс. танапов (следовательно, средний надел – 18–21 танап) (стр. 36). Для вакуфных земель М.Ю.Юлдашев принимает цифру, основанную на данных А.Балтаева ^{I78}, – 152 000 танапов, к которой он добавляет 11–12 тыс. танапов, исходя из того, что "каждой мечети под вакуф отводилось примерно 10 танапов"; всего выходит 165–170 ^[sic] тыс. танапов (стр. 36). Площадь государственных земель определена на основании документа № 34: М.Ю.Юлдашев полагает, что в тех случаях, когда в этом реестре указана только сумма полученного с какой-либо мечети налога (без сведений о налогоплательщиках по разрядам) ^{I79}, речь идет о налоге с арендаторов государственных, частных и вакуфных земель; общая сумма налога только с арендаторов государственных земель по этому реестру определена М.Ю.Юлдашевым в 17 032 тилли ^{I80}; из документа С 699 (см. стр. 109 и 64) видно, что арендаторы платили салгут в размере 1 тилли с 5 танапов; следовательно, площадь государственных земель была примерно 86 000 танапов (стр. 36–37). Таким образом, подытоживает М.Ю.Юлдашев (стр. 37), "непосредственные производители" (землевладельцы двух низших разрядов) имели 64 000 танапов, а "государству и церкви" принадлежало более 250 000 танапов; в общей сложности эти земли составляли примерно 384 000 танапов.

Далее М.Ю.Юлдашев пишет (стр. 37): "По определению Данилевского, в 40-х годах XIX в. на левом берегу Амударьи насчитывалось

^{I76} "Средний надел" определен с потолка (очевидно, на том основании, что в этом разряде были наделы "от 0 до 5 танапов").

^{I77} И здесь "средний надел" определен столь же механически.

^{I78} О происхождении этой цифры см. ниже, стр. 79–80.

^{I79} В этом дафтаре для одних районов указано число налогоплательщиков по разрядам и сумма налога с каждой мечети, для других – только сумма налога с каждой мечети (ср.: И у л д о ш е в, стр. 102–135).

^{I80} Из общей суммы 20 995 тиллей (см. стр. 110 верху), полученной с арендаторов, М.Ю.Юлдашев отнял сумму, полученные с арендаторов частных и вакуфных земель (см.: И у л д о ш е в, стр. 147); последние, очевидно, он мог определить только на основании слов каранда и вакуфи (или вакфкар) в названиях округов или мечетей.

I 866 666 танапов обработанной земли. Очевидно, Данилевский располагал убедительными документальными данными для сообщения столь точной цифры. В течение более чем столетия никто не сомневался в достоверности сведений, сообщенных Данилевским. Лишь на XXV конгрессе востоковедов Ю.Э.Брегель подверг их сомнению, не приведя, однако, никаких убедительных доводов". Попытки царского правительства после 1873 г. установить количество обрабатываемых земель в Хивинском ханстве окончились неудачей; в частности, неверны сведения, приведенные в книге Лобачевского (ср. выше, стр. 55-56). Из собранных М.Ю.Юлдашевым "многочисленных материалов" ему удалось установить, что в 1916 г. в ханстве было "в обороте" 3 843 000 танапов, однако засевалось только I 307 000, остальные 2 536 000 танапов "только использовались для севооборота" I8I. "Отсюда мы видим, что указанное Данилевским количество обрабатываемых земель на левобережье Амударьи вполне вероятно" (стр. 38).

Исходя из цифр, установленных им по документам № 34 и С 699, и принимая общую площадь обрабатываемых земель в ханстве, указанную Данилевским, М.Ю.Юлдашев приходит к выводу, что "народу" (так на стр. 38; на стр. 5 - "мелким землевладельцам"; на стр. I30 - "непосредственному производителю - крестьянину") принадлежало менее I/IO всей земли, а "крупным земельным феодалам и церкви" принадлежало 9/IO земли (стр. 38; также стр. I27). Одновременно он утверждает, что в руках "крупных земельных собственников" (стр. 6), или "крупных земельных магнатов" (стр. I30), было 2/3 всей земли, а "на долю государства и вакуфа приходилось примерно по I/7 общего земельного фонда" (стр. I3I; ср. стр. 5-6: у государства - около I/7 пахотных земель). Эти цифры могут

I8I Что это за "многочисленные материалы", читателю не сообщается. К цифре "3 843 000" дано примечание (стр. 38, прим. 70): "Следует отметить, что здесь не учтены земли хана (ЦГА УзССР, ф. Р-125 /читай: И-125/, д. 528)". Отсюда можно предположить, что М.Ю.Юлдашев заимствовал приведенные им цифры из этого документа. Однако последний относится к 1910 г. и заключает в себе как раз те сведения, которые были представлены хивинской администрацией для Лобачевского; ничего похожего на цифры М.Ю.Юлдашева здесь нет: общая площадь обрабатываемых земель (не считая земель туркмен) указана здесь 406 000 танапов (о том, что сюда не входят земли хана, не говорится ни слова); общая площадь обрабатываемых и необрабатываемых земель по этому документу (лл. 1-9) получается I 535 000 танапов.

быть объяснены только из предыдущих работ М.Ю. Юдашева, в которых даются следующие выводы о распределении земель в абсолютных цифрах 182 :

земли крестьян	134 000 танапов	$\angle$ = менее $1/10$
земли "низших слоев феодально-бюрократического аппарата и нукеров" 183	ок. 260 000 "	$\angle$ = $1/7$
государственные и вакуфные земли	256 000 "	$\angle$ = $1/7$
земли крупных феодалов	1 216 666 "	$\angle$ = $2/3$
всего:	1 866 666 танапов	

Почти все эти "точные" расчеты в действительности оказываются неверными и зачастую противоречат сведениям, приводимым даже самим М.Ю. Юдашевым 184 .

1. Список мечетей в документе С 699, на основании которого М.Ю. Юдашев определяет число хозяйств мулкдаров и арендаторов, далеко не полон. Отчасти это отмечается самим М.Ю. Юдашевым, который упоминает (стр. 110), что документ не включает области Хазараспа, Питняка и Беш-арыка 185 ; он же говорит в другом месте (стр. 117), что в этих трех областях было 6625 хозяйств, объединенных в 221 мечеть; это составляет более $1/5$ общего числа мулкдаров, и об их существовании М.Ю. Юдашев просто забывает во всех своих расчетах (ср. стр. 109, 35). В документе С 699 значится, по М.Ю. Юдашеву (стр. 109), 806 мечетей, в которых было 36 440 хо-

182 См.: И у л д о ш е в, стр. 148; М.Ю. Ю д а ш е в, Расшифровка 34-го дафтара, стр. 70.

183 И у л д о ш е в, стр. 148: "низших слоев сипахи и нукеров" $\angle$ сипахи - служилое сословие, военные и гражданские чиновники. Кого имеет в виду М.Ю. Юдашев под "низшими слоями феодально-бюрократического аппарата" и откуда взялась эта цифра - 260 000 танапов, - нигде не объясняется. В новой книге М.Ю. Юдашева эта цифра исчезла, а доля государственных и вакуфных земель ошибочно указана в два раза большей ("по $1/7$ " - вместо $1/7$ в общей сложности).

184 Далее я только привожу данные, показывающие несостоятельность выводов М.Ю. Юдашева, но не пытаюсь предложить взамен собственную характеристику хивинского землевладения; для этого необходимо глубокое изучение всей совокупности известных в настоящее время источников (см. ниже, стр. 100-102).

185 На стр. 110 ошибочно сказано, что по этим районам нет сведений за 1276 г.х., т.е. в документе № 34; ср.: И у л д о ш е в, стр. 194, 217.

зяйств; в действительности в последнюю цифру, однако, входит 11 818 хозяйств "арендаторов", которые не охватываются этими 806 мечетями¹⁸⁶. В документе № 34 списки мечетей приводятся для всех районов – как для мульдаров, так и для "арендаторов", и здесь общее число мечетей (включая Хазарасп, Питняк и Бешарык) составляет 1183¹⁸⁷. Однако и этот список, очевидно, далеко не полон: по данным А.Л.Куна, основывающегося на хивинских налоговых реестрах последнего года (или последних лет) перед русским завоеванием, в ханстве было 1468 мечетей¹⁸⁸. Такое увеличение числа мечетей за 20 лет (при том, что площадь орошаемых земель с середины 1850-х годов, несомненно, не увеличилась¹⁸⁹) весьма маловероятно; напрашивается предположение, что какие-то районы вообще не были охвачены упомянутыми двумя реестрами. М.Ю.Олдашев даже не попытался сопоставить все эти списки мечетей (не говоря уже об их сопоставлении со многими другими салгутными реестрами, сохранившимися в архиве¹⁹⁰), для того чтобы выяснить причины столь существенных расхождений; он не попытался также установить по карте, какие районы перечислены в рассматриваемых им документах и какие районы Хивинского ханства сюда не вошли¹⁹¹.

2. Средний размер надела отдельных разрядов налогоплательщи-

¹⁸⁶ В этом документе сперва перечислены мечети, занятые "мульдарами" (ср., однако, ниже, стр. 75), причем цифры даются по каждой мечети, а затем – районы, занятые "беватанами" (по М.Ю.Олдашеву – арендаторами), причем здесь данных по отдельным мечетям нет, а цифры приводятся в целом по районам, или округам.

¹⁸⁷ См.: И ў л д о ш е в, стр. 194.

¹⁸⁸ См.: Архив ЦО ИНА, ф. 33 (архив Куна), оп.1, № 11. Ср.: М.Ю.О л д а ш е в, К истории крестьян Хивы, стр. 67 и И ў л д о ш е в, стр. 62–63, где по этому же документу определено, что мечетей было 1578.

¹⁸⁹ В 1855–1867 гг. в ханстве происходили почти непрерывные военные действия в связи с восстаниями туркмен и каракалпаков.

¹⁹⁰ См.: П.П.И в а н о в, Архив хивинских ханов, стр. 65–96, а также ЦГА УзССР, ф. И-125, оп.1, № 393–405.

¹⁹¹ Работы М.Ю.Олдашева вообще характерны полным пренебрежением к исторической топографии и топонимике (ср. выше, стр. 47–51). Публикуя обширные документы, содержащие множество топографических названий, ныне уже не существующих и большей частью не упоминаемых на печатной 10-верстной карте 1905 г., он нигде не пытается определить местоположение соответствующих селений и урочищ.

ков-мульдаров, как уже упоминалось выше, определен М.Ю.Юлдашевым совершенно произвольно. Есть основания полагать, что эти средние размеры у него занижены ¹⁹², но тем самым занижена и общая площадь земель, которыми владели мульдари (низшего и среднего разряда).

3. Определить общую площадь земли, находившейся в собственности мульдаров-налогоплательщиков, на основании числа казучи, выставленных соответствующими мечетями, практически невозможно. Прежде всего, согласно некоторым источникам, атаи-мульдари представляли казучи не с площади своих земель, а по одному от каждого хозяйства ¹⁹³ (эти сведения М.Ю.Юлдашев просто игнорирует). Но даже если эти сведения неверны (что, конечно, необходимо доказать), то нужно иметь в виду, что фактическое количество казучи ¹⁹⁴ большей частью было меньше числа су у мульдаров-налого-

¹⁹² Поскольку атаи-мульдари платили подворную подать, они старались не дробить свои участки (т.е. ограничивать семейные разделы); ср.: Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч.П, стр. 55. По-видимому, средний надел в низшем и среднем разрядах был ближе к соответствующему верхнему пределу (т.е. к 5 и к 10 танапам).

¹⁹³ См.: Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. П, стр. 49. Ср. также: Г.И.Д а н и л е в с к и й, Описание Хивинского ханства, стр. 86: со всех жителей бассейна Палван-Ата берется по одному работнику с каждого семейства /здесь были исключительно земли атаи-мульдаров/; в другом случае, как мы видели выше, М.Ю.Юлдашев считает Данилевского весьма авторитетным источником. Данные упомянутых авторов подтверждаются запиской, хранившейся в Ленинграде среди документов архива хивинских ханов и составленной (подобно некоторым другим аналогичным запискам), по всей вероятности, каким-то хивинцем для А.Л.Куна в 1873 г. (ныне в ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 458); начало этой записки следующее: "При взимании салгута с людей, владеющих купленными за деньги мульками, разделяя /их/ на высший, средний и низший разряд, берут: с людей, у которых много земли, - 3 полных тилли; с людей, у которых меньше земли, - 2 полных тилли; наконец, с людей, у которых мало земли, - 1 полную тиллю. Ежегодно /с каждого из них/ берут одного казучи и заставляют копать каналы или выполнять другие государевы работы в течение 12 дней" (سالىخوت چىقغاندا زىرخريد ملك یرى كيشى).
لاردين اعلى اوسط ادى قىليب یرى توب كيشيدىن اوچ قىتە طلا آزاراق یرى كيشيدىن اىكى قىتە طلا آدىن هم یرى از كيشيدىن یرى قىتە طلا آكوردلار هر يىل (بىر قازوچى آلبىب ياف قازدورلار يا اوزكا پادشاهلىغ غىزمتين بويورلار اون ايكى تون).
(Вторую половину этого документа см. ниже, прим. 208).

¹⁹⁴ Можно предположить, впрочем, что в документе С 699 указано не фактическое, а "теоретическое" число казучи, которые должны быть выставлены в соответствии с площадью земель налогоплательщиков.

плательщиков¹⁹⁵, потому что (как показывают именные налоговые реестры) нередко лица, платившие салгут, в то же время освободились по тем или иным причинам от ирригационной повинности. В документе С 699 во многих мечетях вообще не указано число казучи; следовательно, площадь земель этих мечетей не может входить в ту цифру, которая определяется М.Ю.Юлдашевым путем подсчета казучи. Далее, в документе С 699 не указано число казучи для нескольких районов целиком (Гурлен, Мангыт-арна, Канглы, Кипчак, правый берег Амударьи; ср. стр. 108, стк. 36-38); в этих районах насчитывалось всего 8143 хозяйства (1/3 общего количества), и, следовательно, они должны были выставять примерно 7-8 тыс. казучи¹⁹⁶. Юлдашев же, забыв об этом, утверждает (стр. 35), что все мульдари в общей сложности выставляли только 14 283 человека; поэтому, даже исходя из его расчета (1 казучи = 10 танапам), общая площадь земель мульдари-налогоплательщиков занижена им на 70-80 тыс. танапов. Совершенно так же М.Ю.Юлдашев забыл о том, что в документе С 699 вообще нет данных по областям Хазараспа, Питняка и Беш-арыка, где было, по его данным (стр. 117), 6625 хозяйств; следовательно, число казучи нужно увеличить еще примерно на 5-6 тыс. человек и соответственно площадь земель мульдари - еще на 50-60 тыс. танапов. Таким образом, даже если считать правильным принцип расчета площади земель по числу казучи, то выходит, что М.Ю.Юлдашев преуменьшил площадь земель мульдари-налогоплательщиков на 120-140 тыс. танапов, т.е. почти в два раза.

4. Вычисляя площадь земель отдельных категорий мульдари, М.Ю.Юлдашев игнорирует хозяйства, освобожденные от уплаты салгута: нукеров, ярлыкдаров и несовершеннолетних. По документу С 699 их значится в общей сложности 7078; к этому нужно добавить по меньшей мере 2490 таких хозяйств в областях Хазараспа, Питняка и Беш-арыка (стр. 117)¹⁹⁷, т.е. всего должно быть не менее 9568. По поводу них М.Ю.Юлдашев ограничивается утверждением: "Примерно такое же (т.е. как и у прочих мульдари.-Ю.Б.) рас-

¹⁹⁵ 1 су = 10 танапов (ср. выше, прим. 111).

¹⁹⁶ Такую цифру можно принять, исходя из соотношения между числом хозяйств и числом казучи в других районах.

¹⁹⁷ В таблице, помещенной здесь, М.Ю.Юлдашев не указывает числа несовершеннолетних.

пределение земли было и между нукерами" (стр. 36) ¹⁹⁸; далее, однако, нет попытки определить, сколько же земли было у этих освобожденных от салгута хозяйств. Такое определение имеется отчасти, как уже упоминалось выше, в его предыдущих работах: у "нижних слоев сипахи" (или "феодално-бюрократического аппарата") и нукеров – около 260 000 танапов. Помимо того что неизвестно происхождение этой цифры, совершенно неверно объединять нукеров и лиц из служилого сословия (сипахи; кстати, столь же непонятно, кого именно М.Ю.Юлдашев относит к "нижним слоям сипахи"): мульдаров-налогоплательщиков всех трех разрядов М.Ю.Юлдашев, как мы видели, относит к крестьянству, "мелким землевладельцам" или "народу"; нет никаких оснований не относить к этой же социальной категории и нукеров. Принимая для освобожденных от салгута 7078 хозяйств мульдаров указанное выше (прим. 198) соотношение разрядов (70% – высшего, 20% – среднего, 10% – низшего) ¹⁹⁹ и прибавив к ним 6625 хозяйств Хазараспа, Питняка и Беш-арыка ²⁰⁰, получим, что к мелким землевладельцам (или крестьянам) нужно до-
бавить:

	из 7078 хозяйств	из 6625 хозяйств	всего хозяйств
высшего разряда	4954	2136	7091
среднего "	1416	1580	2996
низшего "	708	2909	3617

Исходя из средней величины надела для каждого разряда, принятой М.Ю.Юлдашевым (20, 7 1/2 и 2 1/2 танапа), получим, что эти хозяйства имели следующее количество земли:

¹⁹⁸ Распределение, однако, было как раз не "примерно такое же", а несколько иное, поскольку, как отмечает сам М.Ю.Юлдашев, большинство нукеров относилось к высшему разряду. Как показывают цифры, приведенные М.Ю.Юлдашевым на этой же странице, к высшему разряду принадлежало примерно 70% нукеров, к среднему разряду – примерно 20% и к низшему – около 10%. Цифры для областей Хазараспа, Питняка и Беш-арыка (стр.117) дают соответственно: 72, 14% и 14%.

¹⁹⁹ В число этих 7078 хозяйств входит 402 хозяйства арлыкдаров (среди них также преобладали хозяйства высшего разряда, как показывают именно налоговые реестры) и 231 хозяйство несовершеннолетних; среди последних соотношение разрядов, возможно, было иным, но практически этим различием можно пренебречь ввиду незначительного удельного веса этой группы.

²⁰⁰ Их распределение по разрядам указано М.Ю.Юлдашевым (стр. 117); сюда входит и 2490 хозяйств нукеров и арлыкдаров.

высший разряд	141 820 танапов
средний "	22 470 "
низший "	9 042 "
всего	173 332 "

Таким образом, если взять за основу цифры М.Ю.Юлдашева и пользоваться его методом расчетов, общую площадь обрабатываемых земель, находившихся в собственности мелких землевладельцев, нужно принять не в 134 000, а по крайней мере в 300 000 танапов.

5. В действительности, однако, такой расчет тоже неверен. Дело в том, что М.Ю.Юлдашев считает, что в документе С 699 арендаторы частных и вакуфных земель значатся только в конце (лл. 79-80), вместе с арендаторами государственных земель, с которыми они в данном случае объединяются под названием "беватан" (стр. 108-109, ср. стр. 41); поэтому он приходит к выводу, что все арендаторы на землях трех категорий в общей сложности обрабатывали 81 361 танап (стр. 109); вся предыдущая часть документа, по его мнению, включает только хозяйства землевладельцев - мулыкдаров. Однако это прямо противоречит тексту документа, в котором среди мечетей мулыкдаров названо также довольно много мечетей, состоящих из арендаторов (каранда; см.: стр. 71, стк. 52; 72, стк. 15-16 и 54; 94, стк. 32; 95, стк. 31-32; 96, стк. 17-18, 44-45, 48; 104, стк. 55-56; 105, стк. 14-17, 21-26; 106, стк. 34-38, 56; 108, стк. 25-26) и арендаторов вакуфных земель (вакфчи; см.: стр. 71, стк. 16-19; 76, стк. 53; 78, стк. 6-7; 85, стк. 38-41, 44-45, 56; 89, стк. 45-47; 94, стк. 30-31, 51-52; 95, стк. 20-22; 98, стк. 35-36; 101, стк. 5-6, 47; 104, стк. 40-41). Таким образом, какая-то часть площади земель мулыкдаров-налогоплательщиков, высчитанной по методу М.Ю.Юлдашева, оказывается на самом деле вакуфной землей и землей крупных землевладельцев, обрабатываемой арендаторами.

6. Расчет площади государственных земель на основе суммы налога, зафиксированной в документе № 34, также оказывается неверен. Прежде всего, такой расчет был бы верен только при условии, что налог взимался со всех без исключения участков. Между тем, как показывают именные реестры по сбору салгута (№№ 24, 28, 9 и др.), среди держателей земель, которые М.Ю.Юлдашев считает государственными, также были освобожденные от налога (ярылыкдары и особенно нукары, причем последние, как правило, имели участки в 20 танапов). Далее, возможны некоторые сомнения в отношении того, являются ли вообще эти земли государственными. В используемых М.Ю.Юлдашевым документах никаких терминов для обозначения

этих земель не приводится; по-видимому, единственным основанием для причисления их к государственным является термин беватан, употребляемый по отношению к держателям этих земель. По утверждению Гиршфельда и Галкина ²⁰¹ и О.А.Шкапского ²⁰², с государственных (падшалычных) земель платили только натуральный налог — даяк (т.е. дах-йак, букв. 'десятина'). Это подтверждается приводимыми Шкапским ²⁰³ данными по Шураханскому участку Аму-Дарьинского отдела, в котором первое время после присоединения к России (до 1877 г.) население продолжало платить те же подати и в том же размере, что и при хивинском владычестве. Упомянутые авторы утверждают, что к падшалычным землям относятся те, которые начали обрабатываться совсем недавно; на левом берегу Амударьи они находятся на западе ханства — в районах Куня-Ургенча, Эмукшира [= Замахшар, в хивинских источниках — Измукшир] и Клыч-Нияз-бая — и в южной части Хазараспского бекства. Но в таком случае упомянутые в документах № 34 и С 699 земли, с которых взимался салгут в размере 1 тилли с 5 танапов, должны относиться к какой-то другой категории. Согласно О.А.Шкапскому ²⁰⁴, а также Гиршфельду и Галкину ²⁰⁵, как раз в этих районах располагались земли ярлыклы-мульк. По словам этих авторов, земли ярлыклы-мульк образовались из сравнительно давно обрабатывавшихся падшалычных земель, которые были закреплены в собственность их держателям по ханским ярлыкам; владельцы этих земель вместо даяка стали платить салгут в размере 1 большой тилли с 5 танапов. Гиршфельд и Галкин сообщают также ²⁰⁶, что держатели государственной земли, не имеющие денег на расходы, связанные с получением ярлыка, "просто записываются в податные списки" и считаются мулькда-

²⁰¹ Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч.П, стр. 33-34.

²⁰² Аму-Дарьинские очерки, стр. 95.

²⁰³ Там же, стр. 133-135.

²⁰⁴ Там же, стр. 104.

²⁰⁵ Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч.П, стр. 34.

²⁰⁶ Там же, стр. 35.

рами, а их земли - "простыми мульками", с которых налог берется в том же размере, что и с ярыклы-мульков ²⁰⁷. В уже цитированной выше (стр. 72, прим. 193) записке, составленной неизвестным хивинским автором (по-видимому, для А.Л.Куна), говорится по этому поводу следующее: "Когда население в государстве увеличивается, то дают землю из пустующих земель и за каждые 5 танапов берут 1 полную тиллу, а с каждых 10 танапов берут одного человека казучи на ирригационные работы. С этими казучи роют каналы и проводят воду на пустующие земли. С каждого, кто засеет эту землю, берут две пятых урожая зерна. С этой земли с каждого, кто, взяв землю, записывает свое имя в дафтар, берут с каждых 5 танапов 1 полную тиллу, а зерна не берут. Таковы правила и обычаи с древности" ²⁰⁸. Между цитированными выше русскими авторами и этой запиской есть одно существенное расхождение: первые утверждают, что держатели государственной земли платили только даяк, из записки же, по-видимому, следует, что они платили и натуральный сбор и салгут с самого начала ²⁰⁹; однако в одном существенном пункте эти источники сходятся: натуральный сбор платили только те, кто не был записан в налоговые реестры (дафтар), а занесение в реестры ²¹⁰ означало также переход к уплате только денежного налога - салгута. Но отсюда следует также, что налоговые реестры не могут дать представления о площади государственных земель или по крайней мере какой-то их части ²¹¹.

²⁰⁷ Там же указана общая сумма салгута с земель ярыклы-мульк и мульк: 33 500 тиллей, т.е. 16 750 больших тиллей, что близко к сумме салгута с государственных земель, подсчитанной М.Ю.Юлдашевым по документу № 34 (см. выше).

²⁰⁸ ولایت د ادم کوب بولغان دین سوئکر بیکار بدین یر بیری هریش طنباغه
بیرینته طلا آلورلار هر اون طنباغه بیر کیشتی قازوجی "ایب قازوقازورولار شول قازوجی
لر بیله یاف قازیب بیکار یرلر کا سو ایلتورلار شول یوزی هر کیم ایکسه بیدی دین
ایکی غله آلورلار شو بدین هر کیم بر توغوب اوزی آتین دغترغه یازدورسه هر بیدی
طنباغه بیرینته طلا آلورلار غله آتماسی لر قدیم دین قاعده و رسم شولور

²⁰⁹ В этом отношении текст записки не совсем ясен.

²¹⁰ Занесение в налоговые реестры могло быть связано с каким-то юридическим закреплением участка за его держателем. Тем не менее весьма характерно, что в записке эти земли не приравниваются к "купленным за деньги мулькам" (ср. начало записки выше, прим. 193).

²¹¹ В составленном, по-видимому, для А.Л.Куна списке сборщиков налогов, который цитируется М.Ю.Юлдашевым (стр. 68; полное - И у л д о ш е в, стр. 65-66), указано, между прочим, что учет сбора зерна (один раз прямо сказано - даяк) в нескольких районах (причем имеются в виду не мульковые земли хана, которые здесь названы особо) велся "без дафтара".

М.Ю.Юлдашев полностью игнорирует сведения о землях ярлыклы-мульк и падшалык, приводимые Гиршфельдом и Галкиным и О.А.Шкапским. Лишь на стр. 9, критикуя Шкапского за "путаницу", "тенденциозность в классовом отношении" и прочие грехи, он приписывает ему мнение, будто владельцы земель ярлыклы-мульк вообще не платили салгута. По этому поводу несколько больше было написано в докторской диссертации М.Ю.Юлдашева ²¹², из которой видно, что это мнение в действительности принадлежит ему самому. Не обращая внимания на то значение термина ярлыклы-мульк, о котором говорят упомянутые выше авторы, он сам, выражаясь его словами, "спутывает" эти земли с теми, которые были освобождены от налога по ханскому ярлыку ²¹³, после чего опровергает эту точку зрения, утверждая, что с земель ярлыклы-мульк взимался налог в размере 1 тилли с 5 танапов, но платил его не собственник земли, пожизненно освобожденный от налога по ярлыку, а его арендаторы (ср. об этом ниже, стр. 92, 96). В соответствующем месте новой книги М.Ю.Юлдашева (стр. 113) от всех этих рассуждений осталось только то, что лицам, освобожденным пожизненно от налога, выдавался ярлык.

Вопрос о том, какие налоги платились с государственных земель и какие именно земли являлись государственными, еще не может считаться окончательно разрешенным и требует дополнительного исследования. Затруднение заключается не только в некотором расхождении между цитированными выше источниками, но и в том, что держатели тех земель, которые у Шкапского и Гиршфельда и Галкина названы ярлыклы-мульковыми или просто мульковыми, в документе С 699 обозначены как беватанн, т.е. "безземельные" ²¹⁴. Нясно

²¹² И Ю л д о ш е в, стр. 191-192.

²¹³ В налоговых реестрах владельцы этих земель назывались чаще всего ярлыкдарами, но также и ярлыклы. Как видно из тех же именных реестров, это были в подавляющем большинстве сейиды, шейхи и ходжи. Лица этих категорий освобождались от всех налогов и повинностей по тарханским ярлыкам (как уже упоминалось выше, некоторое количество таких тарханских ярлыков сохранилось в Ташкенте, Хиве и Ленинграде). Таким образом, термин ярлыкдар, или ярлыклы, в налоговых реестрах обозначает, очевидно, лиц, имеющих тарханские ярлыки, и, во всяком случае, не имеет никакого отношения к землям категории ярлыклы-мульк (как она характеризуется русскими авторами).

²¹⁴ Есть и другие затруднения: неясно, например, почему у более ранних русских авторов (в особенности у А.Л.Куна) ничего не говорится о землях ярлыклы-мульк. Впрочем, у Куна не упоминается и термин атаи-мульк, хотя трудно сомневаться в том, что он существовал (хотя бы в неофициальном обиходе); однако можно было бы ожидать, что он должен был бы сказать о землях категории яр-

также значение термина хасса, о котором М.Ю.Юлдашев не говорит ни слова, но который встречается весьма часто в налоговых документах и земельных актах в качестве названия определенной категории земель (и не только земель) и в особенности в связи с землями государственными (или ярлыклы-мульк?) ²¹⁵; с выяснением значения этого термина связано решение ряда вопросов истории хивинского землевладения. Учитывая все эти обстоятельства, пока что вообще преждевременно определять удельный вес государственных земель в Хивинском ханстве. Однако определенно можно утверждать, что расчеты площади этих земель у М.Ю.Юлдашева неверны.

7. В отличие от предыдущих категорий площадь вакуфных земель не могла быть определена М.Ю.Юлдашевым по документам. Поэтому он основывается на сведениях, сообщаемых А.Балтаевым, и утверждает (стр. 36), как уже упоминалось выше, что, по данным этого автора, "церковные земли составляли около 152 тыс. танапов" (добавляя, однако, примечание, что, по данным того же Балтаева, "накануне Октябрьской революции количество вакуфных земель составляло уже 281 тыс. танапов"). В цитированном М.Ю.Юлдашевым месте А.Балтаев ²¹⁶ приводит список 64 медресе города Хивы и его окрестностей с указанием дат их основания и количества принадлежащей каждому из них вакуфной земли; общая площадь этих земель (этот итог А.Балтаевым не указан) составляет 234 090 танапов. Далее Балтаев приводит количество религиозных учреждений (медресе, мечетей, карихана, мазаров и др.) во всем ханстве и в заключение сообщает, что общая площадь вакуфных земель в ханстве была 284 326 танапов, из которых обрабатывалось только 122 855 танапов. По-видимому, А.Балтаев заимствовал эти цифры из каких-то документов ханской канцелярии. В ЦГА УзССР сохранились дыклы-мульк, если и не называя этого термина, то хотя бы описательно.

²¹⁵ П.П.Иванов (Архив хивинских ханов, стр. 24, прим. 4) полагает, что этим термином в документах обозначались государственные земли. Это отождествление принимает и М.В.Сазонова, отмечая также, что в именных налоговых реестрах, содержащих, по ее мнению, списки держателей государственной земли, неоднократно встречаются пометки о передаче отдельных участков в хасса. Мне уже приходилось заметить (см.: Ю. Э. Б р е г е л ь, Хорезмские туркмены в XIX веке, стр. 94-95), что термин хасса, по-видимому, прилагался и к землям хана; приведенные там наблюдения можно теперь значительно пополнить данными из различных документов, в особенности вакуфных грамот и ярлыков о пожаловании земли, причем эти данные по-прежнему противоречивы и пока не дают возможности прийти к определенному выводу.

²¹⁶ Рук. Ин-та востоковедения АН УзССР № 9320, стр. 85-87 (у М.Ю.Юлдашева ссылка только на "лист" 85 и далее ошибочно на "лист" 79).

три обширных реестра вакуфных земель в Хивинском ханстве, относящихся к ХХ в. ²¹⁷; А.Кошчанов, использовавший эти документы в своей диссертации, утверждает, что общая площадь зафиксированных в них земель ²¹⁸ составляет 282 152 танапа, из которых обрабатывалось 120 000 танавов. Эти цифры чрезвычайно близки к тем, которые приводит А.Балтаев, вследствие чего напрашивается предположение, что последний пользовался теми же самыми (или аналогичными) реестрами. Цифра 152 000 танавов у М.Ю.Юлдашева могла появиться, очевидно, только в результате его собственных подсчетов по таблице Балтаева. Действительно, если считать только медресе, основанные до 1873 г. (всего 26), то площадь их вакуфных земель, по Балтаеву, составляла 152 723 танапа. Однако противопоставление этой цифры цифре "281 ²¹⁹ тыс. танавов", которая характеризует площадь вакуфных земель накануне Октябрьской революции, неверно, так как цифра Юлдашева, как видим, также относится к тому же самому времени. Совершенно очевидно, что площадь вакуфных земель в подавляющем большинстве случаев не оставалась неизменной с момента основания соответствующего медресе и какая-то (зачастую весьма значительная) доля прироста падает на время после 1873 г. Таким образом, для рассматриваемого М.Ю.Юлдашевым периода площадь вакуфных земель хивинских медресе должна была быть значительно меньше 152 000 танавов. Но эта цифра, как видно из данных А.Балтаева и А.Кошчанова, дает представление только об общей площади вакуфных земель; площадь обрабатываемой части была намного меньше – менее половины общей площади. Следовательно, М.Ю.Юлдашев преувеличил площадь вакуфных земель хивинских медресе, существовавших до 1873 г., по меньшей мере в два раза. Но к этой цифре (152 000 танавов) М.Ю.Юлдашев, как упоминалось выше, прибавляет еще 11–12 тыс. танавов, получая общую площадь вакуфных земель в ханстве 165–170 тыс. танавов ²¹⁹; при этом он исходил из того, что "каждой мечети под вакуф ²¹⁹ отводилось примерно 10 танавов" (стр. 36), не указывая, однако,

²¹⁷ Фонд И-125, оп.1, № 483, 484, 485.

²¹⁸ А.Кошчанов почему-то (возможно, по недосмотру) ссылается только на документы № 483 и 484, утверждая, что там содержится описание вакуфных земель 59 медресе.

²¹⁹ Неясно, на основании каких арифметических правил М.Ю.Юлдашеву удалось получить такой результат при сложении его исходных цифр.

своего источника. Возможно, основанием для такого утверждения послужил документ № 24 со списками держателей государственной (? или ярлыкной-мульковой) земли, в котором при названиях мечетей во многих случаях отмечено, что мечеть имеет вакф в 10 танапов. Но это, очевидно, еще не означает, что все мечети на землях этой категории имели вакф в 10 танапов, не говоря уже о том, чтобы распространять это правило на мечети, находившиеся в других районах. Наконец, в расчетах М.Ю.Юлдашева оказываются неучтенными вакуфные земли медресе, находившихся вне Хивы, в других городах ханства²²⁰, земли мазаров²²¹ и т.д. Все это в общей сложности заставляет сделать вывод, что расчеты М.Ю.Юлдашева не могут дать даже приблизительного представления об истинной площади вакуфных земель в ханстве в рассматриваемый им период.

8. Из сказанного выше явствует, что примененные М.Ю.Юлдашевым методы расчета площади земель, принадлежавших мелким собственникам (мулькдарам трех разрядов), а также государственных и вакуфных земель несостоятельны и полученные им цифры никакого представления об истинной картине дать не могут. Остается проверить, соответствует ли действительности высчитанная им площадь земель, принадлежавших крупным земельным собственникам – феодалам (свыше 1 200 000 танапов, или 2/3 всего земельного фонда ханства). Эта цифра получена им косвенным путем²²² – вычитанием из общей площади обрабатываемых земель ханства, взятой по Данилевскому, площади земель упомянутых выше категорий, "рассчитанной" по документам. Поскольку выше уже было доказано, что все эти расчеты неверны, то отсюда, естественно, следует, что неверна и полученная М.Ю.Юлдашевым цифра для земель крупных феодалов. Интересно, одна-

²²⁰ Общее число медресе в ханстве перед революцией, согласно А.Балтаеву, было 120.

²²¹ Согласно А.Балтаеву, в ханстве было 74 мазара и 71 "аулия".

²²² Прямые данные о мульковых землях феодалов (хана, его родственников и служилого сословия – сипахи, к которым принадлежали феодальная знать и чиновники) не могут быть получены из налоговых документов, очевидно потому, что эти лица не только были освобождены от уплаты салгута, но (в отличие, например, от нукеров) вообще не относились к податному населению и не записывались в налоговые реестры. В некоторых документах встречаются реестры земель в отдельных районах, пожалованных различным представителям феодальной знати и чиновничества (эти реестры составлялись, очевидно, не с фискальной целью), но они не дают возможности судить о площади таких земель в целом по ханству.

ко, проверить также, правильна ли остальная часть посылок М.Ю.Юлдашева, т.е.: 1) можно ли исходить из площади обрабатываемых земель ханства, сообщаемой Данилевским, и 2) действительно ли, если из этой общей площади вычесть земли мелких землевладельцев, государственных и вакуфные, то останутся только земли "крупных земельных магнатов".

М.Ю.Юлдашев, как говорилось выше, подчеркивает, что цифра Данилевского (1 866 666 танапов) очень точна и, следовательно, он "располагал убедительными документальными данными". Он не замечает (или, быть может, не желает сообщить читателю) происхождения этой цифры. У Данилевского ²²³ сказано следующее: "Количество обработанной земли, состоящей под пашнями и садами, простирается, в целом оседлом Ханстве, по левой стороне Аму-Дарьи, до 700 000 десятин, или 1 866 666 танапов". Таким образом, "точная цифра" - 1 866 666 танапов - появилась всего лишь в результате пересчета из весьма неточной цифры - 700 000 десятин ²²⁴, которой и располагал Данилевский; совершенно очевидно, что эта последняя величина не могла быть основана на "убедительных документальных данных" не только потому, что она слишком "круглая", но и потому, что она выражена в десятинах. По-видимому, источником информации Г.И.Данилевского в данном случае были находившиеся в ханстве русские невольники ²²⁵. Вообще очень маловероятно, чтобы Данилевскому, к которому, как к русскому послу, хивинские сановники относились с большой подозрительностью, были доступны какие-либо документальные статистические сведения о ханстве. На недоверчивость хивинцев он жалуется сам, объясняя трудности определения числа жителей

²²³ Описание Хивинского ханства, стр. 123.

²²⁴ Г.И.Данилевский, как и большинство русских авторов, считал танап равным 900 кв. сажням, т.е. 0,375 или $\frac{3}{8}$ десятины (см. там же, стр. 119, прим.). Отсюда $700\,000 : \frac{3}{8} = 1\,866\,666$.

²²⁵ Возможно, однако, что цифра 700 000 десятин была определена самим Данилевским из следующих соображений: 1) площадь ханства он считал в 380 кв. миль (ср.: Описание Хивинского ханства, стр. 100, где даны цифры численности и плотности населения), т.е. ок. 2 000 000 десятин; 2) из этой площади "без малого $\frac{1}{3}$ " занята водой, камышом, песками и прочими неудобными землями (там же, стр. 101); 3) "треть земли Ханства лежит необработанной, по недостатку сбыта сельских произведений" (там же, стр. 133) - очевидно, в этом случае речь идет уже о необработанных у д о б н ы х землях; следовательно, по Данилевскому, обрабатывалось немного более $\frac{1}{3}$ территории ханства, что и могло дать цифру 700 000 десятин.

Если М.Ю.Юлдашев, хоть и без должных оснований (ср. выше, стр. 55-56), может утверждать, что цифры, представлявшие хивинскими властями царской администрации, были сильно занижены (впрочем, даже и в этом случае трудно предположить, что они были в три раза меньше истинных), то это вряд ли может относиться к материалам, на которые ссылается Балтаев (поскольку они были предназначены, очевидно, для "внутреннего пользования")²³⁴, и уж никак не может относиться к данным 1924-1925 гг.²³⁵. Что касается "многочисленных материалов", согласно которым будто бы в 1916 г. в ханстве засеивалось 1 307 000 танапов (ср. выше, стр. 69), то эти данные пока нельзя принимать во внимание, поскольку М.Ю.Юлдашев не пожелал назвать своего источника²³⁶.

Наконец, даже если пренебречь всеми этими доводами и считать, что количество обрабатываемой земли в ханстве около середины XIX в. было по крайней мере в два раза больше того, которое все упомянутые источники называют для начала XX в., то и в этом случае мы не сможем получить для земель крупных феодалов цифры, хотя бы приблизительно похожей на цифру М.Ю.Юлдашева. Дело в том, что М.Ю.Юлдашев во всех своих рассуждениях "забывает" о некоторых землях, удельный вес которых в общей площади обрабатываемых зе-

²³⁴ Цифры, приведенные в упомянутых источниках, в общем подтверждаются историко-картографическими материалами Б.В.Андрианова (пользуясь случаем выразить признательность Б.В.Андрианову, любезно познакомившему меня с составленными им картами и расчетами). По данным Б.В.Андрианова, картографировавшего орошаемые земли Хорезмского оазиса по состоянию на 1888 г. (на основе произведенной в 1888-1890 гг. двухверстной съемки), обрабатываемые земли Кунградского и Ходжейлинского районов составляли 19 400 га (= 47 300 танапов; ср. у Гиршфельда и Галкина - 19 900 десятин); в районах Куна-Ургенча, Уаза и Шамурата - 11 000 га (= 26 800 танапов); площадь обрабатываемых земель в остальных левобережных районах ханства (подсчитана мною по карте Б.В.Андрианова) - примерно 730 000 танапов. Таким образом, общая площадь обрабатываемых земель на левом берегу Амударьи в конце XIX в., по карте Б.В.Андрианова, - примерно 800 000 танапов. Если исходить из расчетов самого Б.В.Андрианова, то цифра получится еще меньше: в 1830-1840-х годах - менее 600 000 танапов (ср.: "Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции", М., 1958, т. III, стр. 88 и 89), в 1870-1880-х годах - менее 700 000 танапов (ср. там же, стр. 106 и 107).

²³⁵ Довольно значительное уменьшение площади обрабатываемых земель по обследованиям 1924-1925 гг. в сравнении со всеми предыдущими данными, по всей вероятности, было следствием гражданской войны и хозяйственной разрухи.

²³⁶ Либо не понял его, если речь идет о документе ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 528 (ср. выше, стр. 69).

мель ханства был достаточно велик: это земли туркмен, аральцев и каракалпаков. Эти три группы составляли весьма значительную часть (примерно 2/5) населения ханства ²³⁷. М.Ю.Юдашев не только полностью игнорирует их при характеристике хивинской земельно-налоговой системы и при всех своих расчетах ²³⁸, но и заявляет вместе с тем, что он в своей книге "в изучении вопросов земледелия, земельного налога и положения народных масс имел в виду весь Хорезм в целом и, следовательно, все народы, населяющие Хивинское ханство" (стр. 12) ²³⁹. Между тем земельные отношения у каракалпаков и туркмен отличались значительным своеобразием (что достаточно известно после ряда специальных работ (см. о них выше), которые, кстати, М.Ю.Юдашев не пожелал использовать). Большинство туркмен до 1873 г. вообще не платило салгута, а каракалпаки и аральские узбеки платили так называемый салгут-кесме в фиксированной сумме, не зависевшей от площади обрабатываемых ими земель, причем этот налог собирали и сдавали родовые предводители, а не хивинские чиновники; поэтому туркмены, каракалпаки и аральцы (за очень немногими исключениями) до 1873 г. вообще не фигурируют в салгутных реестрах. Площадь обрабатываемых туркменских земель, по данным 1910-1912 гг., была 160 000 или 165 000 танапов ²⁴⁰, по данным 1924-1925 гг. - 130 037 танапов ²⁴¹; даже если считать, что

²³⁷ См.: Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч.П, табл. 1-2 после стр. 106; В. Л о б а ч е в с к и й, Хивинский район, стр. 66; ср.: Ю. Э. Б р е г е л ь, Хорезмские туркмены в XIX веке, стр. 42.

²³⁸ В докторской диссертации (см.: Й ў л д о ш е в, стр. 194-195) он упоминает об этих частях хивинского населения и их численности, а также о размере собиравшегося с них налога (стр. 219); в новой книге (стр. 121) осталось только упоминание о размере налога. Какова была площадь занимаемых ими земель и что это были за земли - в обоих случаях не говорится.

²³⁹ Это "подкрепляется" громкими фразами, будто "туркменские феодалы-землевладельцы ничем не отличались от крупных земельных магнатов других национальностей", "бедняки-туркмены, узбеки, каракалпаки находились в одинаково тяжелом положении" и "общественное положение туркмен невозможно изучить, отгородившись китайской стеной от всех других народностей, в частности узбеков".

²⁴⁰ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп.1, № 314, лл.25-28 (записка Н.Лыкошина о положении Хивинского ханства; Лыкошин основывался не только на данных хивинской администрации, но и на сведениях, полученных от туркменских старшин); ЦГА УзССР, ф.И-125, оп. 1, № 527, л. 95.

²⁴¹ "Материалы по районированию Средней Азии", кн.2, ч.2. Хорезм, стр. 18 (пересчитано в танапы мною).

сведения хивинской администрации начала XX в. о туркменских землях были несколько преувеличены ²⁴², то зато для середины XIX в., возможно, их площадь следует принять еще большей ²⁴³. Совокупная площадь обрабатываемых земель туркмен, каракалпаков и аральцев ²⁴⁴ на левом берегу Амударьи, по этим источникам, составляла 35-36% общей площади обрабатываемых земель ханства. М.Ю.Юлдашев, игнорируя существование этих трех групп хивинского населения, в своих расчетах попросту "передает" их земли "крупным земельным магнатам". Что касается земель на правом берегу Амударьи, то он, ошибочно полагая (вслед за Данилевским), что все они были захвачены "правившим феодальным классом" (стр. 38), в то же время просто сбрасывает их со счетов; между тем именно здесь располагались основная часть обрабатываемых земель каракалпаков (в конце XIX в. — около 98 000 танапов ²⁴⁵) и земли казахов.

Итак, все выводы М.Ю.Юлдашева о распределении земельного фонда Хивинского ханства оказываются основанными на неверных расчетах и прямых подтасовках; в то же время он совершенно умалчивает о некоторых категориях земель, о которых имеются сведения в источниках.

Не лучше обстоит дело с вопросом об основных производителях и формах эксплуатации. Выводы М.Ю.Юлдашева сводятся к следующему. Крестьяне-собственники играли незначительную роль в сельскохозяйственном производстве: их было всего около 18 000 хозяйств, и они имели 134 000 танапов земли (стр. 35-37); остальные земли (9/10 всех земель принадлежали крупным феодалам и "церкви") обрабаты-

²⁴² Однако преувеличение не могло быть большим, судя по цифре, указываемой в 1924 г.

²⁴³ В конце XIX в. площадь орошаемых туркменских земель значительно уменьшилась (см.: Ю. Э. Б р е г е л ь, Хорезмские туркмены в XIX веке, стр. 226).

²⁴⁴ По подсчетам А.Копчанова (Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве... (рукопись диссертации), стр. 88-89), основанным на реестре земель аральцев 1312/1894-95 г. (ЦГА УзССР, ф. И-125, оп.1, № 565), у последних было в это время 142 220 танапов земли, из которых обрабатываемой была только часть — от 1/4 до 1/2 у разных родов. Отсюда можно заключить, что у аральцев было примерно 35-40 тыс. танапов обрабатываемой земли, что, кстати, близко к цифре, которую сообщает для северной части ханства В.Лобачевский (15 000 десятина = 40 000 танапов).

²⁴⁵ Так по упомянутым выше (прим. 234) данным Б.В.Андрианова (который исходит из того, что обрабатывалась 1/6 орошаемых земель).

лись, помимо незначительного числа рабов, безземельными крестьянами, которые делились на арендаторов-издольщиков и батраков (стр. 38-39). Арендаторов было три вида: каранда - арендаторы частной (мульковой) земли, беватан - арендаторы государственной земли, вакуфкар [sic !] или вакуфчи [sic !], - арендаторы вакуфной земли (стр. 39, 131). Так как все арендаторы в соответствии с площадью арендуемой ими земли платили тот же налог (салгут) и несли те же повинности, что и крестьяне-собственники, то налоговые реестры позволяют установить их количество и площадь арендуемой ими земли; то и другое было невелико: 11 818 хозяйств обрабатывали 81 361 танап (стр. 35; по другому документу, однако, только у арендаторов государственной земли - около 86 000 танапов, стр. 36). Следовательно, земли феодалов и вакуфные земли обрабатывались не арендаторами, а людьми, с которых налоги не взимались, т.е. либо рабами, либо батраками (стр. 46-47); поскольку число рабов, занятых в сельском хозяйстве, было незначительно (стр. 47, 59, 131), то "основной производительной силой Хивинского ханства" оказывается только батрак - дехканин (стр. 47, 132), находившийся в кабальной зависимости от своего хозяина, который, в частности, имел право продать его вместе с землей или без земли (стр. 56, 132).

Аргументация М.Ю.Юлдашева и в данном случае не выдерживает никакой критики. Об ошибочности его вывода о доле крестьян-собственников в общей площади хивинских земель уже говорилось выше. Так же неверна и "классификация" арендаторов, которая основана на произвольном и одностороннем толковании терминов.

Термин каранда в Хиве (как и в других местах Средней Азии) означал, очевидно, не арендатора только мульковой земли (такое объяснение М.Ю.Юлдашев не подкрепляет какими-либо документальными данными), а арендатора вообще; во всяком случае, арендаторы вакуфной земли помимо специального термина - вакуфкар или вакуфчи, в вакуфных и других документах также назывались каранда ²⁴⁶. Этот термин, по-видимому, не применялся по отношению к держателям го-

²⁴⁶ Ср., напр.: ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, № 608 (вакуф-наме медресе в Рафанике 1312/1894-95 г.), стк. 93: موقوفات مذکورہ نہنگ کارندہ لاری; П. П. И в а н о в, Архив хивинских ханов, стр. 47 (док. № 1, л. 211а: محمد امين خان مرحومي نہنگ مدرسه سي وقفی کارندہ لاری مسجدی). Соответственно аренда вакуфных земель называется карандалык; см., напр., ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 2, № 6, л. 2 (ярлык о пожаловании земли 1206/1791-92 г.), стк. 6: ملا دولت نہنگ کارندہ لیخی دانی وقف یر.

сударственной (падшалычной) земли; возможно, это объясняется тем, что последние юридически не считались арендаторами.

Определение термина беватан как арендатора государственной земли (при этом М.Ю.Юлдашев ссылается на О.А.Шкапского) является столь же неверным. Поскольку этому противоречат документы хивинского архива, М.Ю.Юлдашеву приходится дать следующее пояснение (стр. 41): "В XIX в. термин "беватан" имел двойное значение: буквальное и специальное. В буквальном смысле беватан - безземельный, в специальном - это наследственный арендатор государственной земли (падшалык)". Этого объяснения, однако, оказывается недостаточно, так как при этом следовало бы ожидать, что в "специальных" случаях, т.е. в первую очередь в земельно-налоговых документах, данный термин должен был употребляться именно в его "специальном" значении. Так как в действительности этого нет, то дается еще одно пояснение: первое время после реформ Мухаммед-Рахим-хана, в первой половине XIX в., "оба значения слова "беватан" спутывали сами писцы", что можно видеть в документе С 699 (стр.41), а в документах второй половины XIX в. "значение термина "беватан" как арендатора земли падшалык становится уже более определенным", как видно из документа № 34 (стр. 42). Возражения против такого толкования термина беватан отчасти уже были выдвинуты А.Кошчановым²⁴⁷. В дополненном и систематизированном виде эти возражения заключаются в следующем:

(1) Во многих именных реестрах по сбору салгута в списках атаи-мулькдаров имеются пометки "беватан", означающие, что данное лицо потеряло свой мульковый участок. Много таких пометок, в частности, в документе № 32, относящемся к 1276/1859-60 г., т.е. не менее, если не более, позднем, чем документ № 34. В документе № 1, содержащем материалы подворной переписи населения Хивинского ханства, произведенной, очевидно, при Сейид-Мухаммед-хане (1856 - 1864), в именных списках жителей мечетей, в которых, согласно налоговым реестрам, были только мульковые земли, значится большое число "беватанов"²⁴⁸. В документе № 24, л. 75б, у названия одной из мечетей атаи-мулькдаров помечено: "Стали беватанами, так

²⁴⁷ См.: А. Кошчанов, По поводу термина "беватан", - "Народы Азии и Африки", 1965, № 4, стр. 102-103; его же, Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве... (рукопись диссертации), стр. 73-79.

²⁴⁸ Ср.: П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 34-40, 46, 48-49.

как их землю затопило рекой"²⁴⁹, что прямо указывает на то, что "беватанами" назывались лица, вообще лишившиеся земли.

(2) В документе I313-I314/1895-1897 гг., содержащем списки арендаторов вакуфных земель²⁵⁰, над именами встречаются пометки, указывающие на то, что данный арендатор является "беватаном" (причем иногда отмечается, что он продал или бросил свой участок)²⁵¹; с другой стороны, над некоторыми именами есть пометки ерли, т.е. "имеющий землю".

(3) В документе конца XIX в.²⁵² содержится относящийся к I304/1886-87 г. список арендаторов (каранда) Атаджана-торе, причем в заголовке указано, что все они относятся к низшему разряду налогоплательщиков и являются "беватанами"²⁵³; при некоторых именах в этом списке имеются пометки ерли.

(4) В именных налоговых реестрах, содержащих списки лиц, которых М.Ю.Олдашев считает арендаторами государственной земли (ср. выше, стр. 75-77), т.е. "беватанами" в "специальном смысле", при отдельных именах часто встречаются пометки беватан (причем большей частью одновременно помечается, что данное лицо принадлежит к низшему разряду налогоплательщиков - ادنا)²⁵⁴. С другой стороны, в относящихся к началу XX в. списках "беватанов" из числа аральцев²⁵⁵ над некоторыми именами есть пометки (очевидно, проставленные позднее) ерли.

Все эти данные заставляют прийти к выводу, что термин беватан

²⁴⁹ بى دريا اليب بى وطن بولغان.

²⁵⁰ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 414.

²⁵¹ Ср.: А. К о ш ч а н о в, Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве... (рукопись диссертации), стр. 75-78.

²⁵² ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 393, л. 16а.

²⁵³ كارندة. اتاجان توره همه سى ادنا بى وطن. Ср.: А. К о ш ч а н о в, Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве..., стр. 73-74.

²⁵⁴ См., напр.: № 25, лл. 976, 1006; № 28, лл. 2а, 3а, 4б; № 8, л. 38а; № 9, лл. 12а, 20б, 24а и др. Ср.: Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, стр. 38-39: "Все безземельное узбекское и сартовское население, проживающее в других местностях ханства среди земледельческого населения, также носит название бийватенли и обложено особою подушною податью, в размере двух тиллей с каждого двора, или на наши деньги 3 руб. 60 коп." (1 большая тилля, т.е. столько, сколько платил низший разряд плательщиков салгута).

²⁵⁵ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, № 418, лл. 106-11а.

в хивинских документах как в рассматриваемое М.Ю.Юлдашевым время, так и позднее обозначал человека, не имеющего своей земли, лишившегося земли; беватанн могли быть и среди мулыкдаров (и вообще не быть арендаторами), и среди арендаторов мульковых и вакуфных земель, и среди держателей государственных (или ярлык-мульковых?) земель; беватанам противопоставляются ерди, т.е. имеющие землю. Такой вывод полностью подтверждается и показаниями опрошенных А.Кошчановым лиц, которые сами некогда принадлежали к категории "беватанов" ²⁵⁶. Ссылка М.Ю.Юлдашева на О.А.Шкапского (стр. 39), который будто бы "считает беватанли арендаторами государственных земель", в действительности искажает мысль цитируемого автора. У Шкапского сказано следующее: "По хивинской терминологии, каждый земледelec, сидящий на земле падшалык, именуется биватенли (безземельный)" ²⁵⁷; таким образом, речь идет не о том, что беватанн – это арендаторы государственной земли, а о том, что держатели государственной земли считались беватанами; вряд ли требуется разъяснять, что это совсем не одно и то же. В Хивинском ханстве, согласно Шкапскому, безземельные (беватан), наделенные государственной землей, продолжали считаться безземельными до тех пор, пока эта земля не закреплялась за ними в собственность; но это еще отнюдь не создавало какого-либо "специального" значения слова беватан, которое обозначало всех вообще безземельных.

Неверны также подсчеты числа арендаторов и площади арендуемой ими земли, поскольку они исходят из совершенно ложных посылок: 1) будто бы все арендаторы были безземельными; 2) будто бы все арендаторы платили салгут. Происхождение первой из этих посылок непонятно; М.Ю.Юлдашев просто называет всех арендаторов безземельными как нечто само собой разумеющееся. Между тем в действительности мульковые и вакуфные земли арендовались не только безземельными, но и малоземельными крестьянами (как мулыкдарами, так и держателями государственной земли; один и тот же крестьянин мог также одновременно арендовать землю разных категорий); об этом

²⁵⁶ См.: "Народы Азии и Африки", 1965, № 4, стр. 102-103. М.Ю.Юлдашев (стр. 41) упрекает А.Кошчанова в том, что он "даже не попытался сравнить показания стариков с архивными данными"; А.Кошчанов это сделал в своей диссертации, в то время как сам М.Ю.Юлдашев, не сумев этого сделать, стал обвинять в "путанице" хивинских писцов.

²⁵⁷ О. А. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, стр. 104.

свидетельствуют, в частности, этнографические материалы, собранные М.В.Сазоновой²⁵⁸ и А.Кошчановым²⁵⁹. То, что арендаторы платили салгут, видно из налоговых реестров: названия многих мечетей говорят о том, что их жители были арендаторами (каранда и вакфчи). Однако налоговые реестры не содержат таких данных, которые позволили бы утверждать, что все без исключения арендаторы платили салгут. Такого рода данных нет и в других известных мне (и использованных М.Ю.Юлдашевым) хивинских документах. Зато в литературе есть сведения прямо противоположного характера: о том, что салгут платили далеко не все арендаторы. О.А.Шкапский говорит об издольщиках: "Что касается уплаты податей, то они уплачиваются одним ярымчи или, в большинстве случаев, обоими (т.е. издольщиком и хозяином.— Ю.Б.) согласно договора. Если же этот вопрос в договоре не обусловлен, то подати должен платить хозяин земли"²⁶⁰. (Источником сведений Шкапского в данном случае были хивинские казии, несомненно хорошо осведомленные о существовавшей в ханстве практике.) М.В.Сазонова передает рассказ одного из своих информаторов, семья которого арендовала исполу землю у двух членов ханского рода; с этих земель салгута не платили²⁶¹. Таким образом, арендаторы могли платить или не платить салгут, во-первых, в зависимости от характера арендного договора и, во-вторых, в зависимости от категории арендуемой земли.

Вопрос об арендном договоре М.Ю.Юлдашевым попросту игнори-

²⁵⁸ Земельные отношения в Хивинском ханстве... (рукопись диссертации), стр. 54-55.

²⁵⁹ Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве... (рукопись диссертации), стр. 79-3. Вообще аренда земли малоземельными крестьянами — явление общеизвестное и распространенное в это время во всей Средней Азии.

²⁶⁰ О. А. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, стр. 126. Несколько ниже (стр. 127), говоря об арендаторах, плативших не долю урожая, а заранее установленное количество продуктов или денег (этот вид аренды считался собственно арендой — иджара, в отличие от издольной аренды — музария), Шкапский пишет, что они должны были "уплачивать поземельную подать"; этот вид аренды был менее распространен (там же, стр. 133).

²⁶¹ М. В. Сазонова, Земельные отношения в Хивинском ханстве... (рукопись диссертации), стр. 55. Ср. там же, стр. 75, где приведены рассказы других информаторов, показывающие, что арендаторы "ханских" земель (земель членов ханского рода) были освобождены и от ирригационной повинности.

руется (хотя во многих других случаях работа Шкапского была одним из его основных источников). Что касается второго вопроса, то М.Ю.Юлдашев решает его следующим образом: крупные землевладельцы (хан и члены его семьи, феодальная знать и пр.) были освобождены от уплаты салгута, однако это было освобождение "личное", налог же с их земель все-таки собирался, но платили его арендаторы (стр. 9) ²⁶². По-видимому, единственным основанием ²⁶³ для такого утверждения является то, что в налоговых реестрах встречаются мечети, населенные, судя по их названиям (Каранда-и хан-и хазрат и т. п.), арендаторами земель хана и некоторых крупных сановников. В налоговых реестрах, однако, упоминаются лишь немногие из известных по другим источникам земель хана и крупных феодалов. Отсюда можно предположить, что какая-то (небольшая) часть их земель облагалась налогом; Юлдашев же заключает, что лишь небольшая часть их земель обрабатывалась арендаторами. Вывод М.Ю.Юлдашева мог бы тоже казаться допустимым, если бы мы не располагали никакими другими данными, кроме этих налоговых реестров; однако в действительности другие данные есть, и они полностью противоречат такому допущению. Эти данные мы находим, во-первых, в уже упоминавшихся этнографических материалах М.В.Сазоновой и А.Комчанова, которые свидетельствуют о том, что земли крупных землевладельцев обрабатывались арендаторами ²⁶⁴, и, во-вторых, в документах, относящихся к вакуфным землям.

В отношении вакуфных земель М.Ю.Юлдашев основывается на такого же рода данных, как и для государственных и частных: в документе № 34 перечислены мечети арендаторов вакуфных земель; в общей сложности они платили 576 тиллей салгута, из чего следует, что эти арендаторы обрабатывали 2880 танавов, т.е. только 2% общего количества вакуфных земель; остальные 98%, следовательно, обрабатывались батраками и рабами ²⁶⁵. М.Ю.Юлдашев игнорирует ос-

²⁶² Ср.: И ў л д о ш е в, стр. 192, где об этом говорится подробнее. Об этом неверном истолковании налоговой системы ср. ниже, стр. 96.

²⁶³ Сам М.Ю.Юлдашев в этом случае никаких оснований не указывает.

²⁶⁴ Ср. также: О. А. Ш к а п с к и й, Аму-Дарьинские очерки, стр. 120-135, где приведены некоторые сведения об арендаторах-издольщиках на частных и вакуфных землях на правом берегу Амударьи.

²⁶⁵ См.: И ў л д о ш е в, стр. 173. В новой книге (стр. 43-44) эти общие цифры опущены, вместо этого приведены только ничего не говорящие сведения (из док. № 34) о размере салгута, полученного с некоторых мечетей "арендаторов-вакуфщиков", и сохранены общие "выводы": 1) для вакуфных земель, как и для мультковых, "наибо-

новой вид документов, характеризующих вакуфное землевладение, — вакф-наме, сохранившиеся в достаточно большом количестве. Во всех без исключения хивинских вакф-наме говорится о том, что передаваемая в вакф земля подлежит сдаче в аренду, и подробно регламентируются условия этой аренды. Условия сдачи всех вакуфных земель в аренду указаны и в уже упоминавшихся выше сводных реестрах вакуфных земель хивинских медресе ²⁶⁶ (которые также не использованы М.Ю.Юлдашевым); А.Кошчанов исследовал эти реестры в своей диссертации ²⁶⁷ и подсчитал, в частности, что примерно с 83% обрабатываемых вакуфных земель (в начале XX в.) арендная плата взималась натурой, с остальных 17% — деньгами. Почему же салгут взимался лишь с незначительной части вакуфных земель? По-видимому, это было связано с различиями в путях образования этих земель (столь важный, казалось бы, для характеристики землевладения вопрос М.Ю.Юлдашевым полностью обходится). Как видно из сохранившихся вакуфных грамот, лишь незначительная часть вакуфных земель образовалась из участков, пожертвованных мелкими землевладельцами; нередко обращались в вакф (по специальным ханским ярлыкам) государственные земли, но больше всего — мульковные земли хана, членов ханского рода, различных сановников и других крупных земельных собственников. При переходе земель в вакф, как правило, не изменялись ни размер земельной ренты, ни способы ее взимания — происходило лишь некоторое перераспределение этой ренты между ее получателями ²⁶⁸; соответственно держатели вакуфных земель платили те же налоги и несли те же повинности, которыми они были обложены до перехода земель в вакф. Так как значительная часть вакуфных земель в Хивинском ханстве образовалась, как мы видим, из таких земель, которые освобождались от салгута, то они по-прежнему ос-

лее характерна барская запашка, а не сдача в аренду"; 2) "небольшую часть земли религиозные учреждения сдавали в аренду не издольщикам, а предприимчивым людям"; 3) "мечети и медресе уступали обычно арендаторам худшие участки, обработка которых требовала больших усилий". Все это никакими источниками не обосновывается.

²⁶⁶ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, №№ 483, 484, 485.

²⁶⁷ Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве... (рукопись диссертации), стр. 94-102. Ср. выше, стр. 80.

²⁶⁸ Ср. об этом: Р.Г.М у к м и н о в а, — "Вопросы истории", 1954, № 11, стр. 136; Е. А. Д а в и д о в и ч, Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в., — "Изв. АН ТаджССР, отд. обществ. наук", Сталинабад, 1961, вып. 1(24), стр. 32-33.

тавались освобожденными от этого налога и не были внесены в салгутные реестры; поэтому на основании налоговых реестров нельзя установить ни площадь этих земель, ни кем они обрабатывались. Зато вакуфные грамоты говорят не только о том, кем обрабатывались вакуфные земли, но и о том, кто обрабатывал земли крупных земельных собственников: при переходе земель в вакф непосредственные производители на них оставались те же самые, и, следовательно, вакуфные документы неопровержимо свидетельствуют, что крупные мульковые владения обрабатывались такими же арендаторами.

Как видим, вывод М.Ю.Юлдашева о том, что в Хивинском ханстве "основной производительной силой" были батраки — дехкане, основан на непонимании источников и на цепи ложных умозаключений. Хивинские документы не содержат никаких сведений о количестве батраков в ханстве. Единственное, чем М.Ю.Юлдашев может подкрепить упомянутые выше рассуждения, — это столь же спекулятивное рассуждение о том, почему землевладельцам было выгоднее эксплуатировать батраков и рабов, а не арендаторов (стр. 47–48; ср. еще стр. 57), да еще ссылка на то, что "в первые годы народной власти в Хиве было заключено свыше 24 000 договоров о найме с дехканами" (стр. 56). Последняя цифра ничего не доказывает не только потому, что она не сопровождается указанием источника (как мы уже неоднократно могли убедиться, М.Ю.Юлдашев умеет фальсифицировать источники и при наличии точных ссылок), но и потому, что относится ко времени намного более позднему, чем то, которое им рассматривается ²⁶⁹, и не к одному году, а к неназванному количеству лет в совокупности ²⁷⁰. Заслуживающие доверия сведения о батраках — дехканах — взяты М.Ю.Юлдашевым у О.А.Шкапского, однако последний, как с упреком отмечает М.Ю.Юлдашев, "не говорит о распространенности дехканства" (стр. 47). Именно у Шкапского заимствовано М.Ю.Юлдашевым объяснение термина дехкан как "батрак" ²⁷¹. В Хиве, действительно, это слово

²⁶⁹ За период почти в 50 лет со времени русского завоевания в связи с развитием товарно-денежных отношений в ханстве намного увеличилась и роль наемного труда.

²⁷⁰ Согласно О.А.Шкапскому (Аму-Дарьинские очерки, стр. 130), батраки нанимались обычно на год. Поэтому приведенная М.Ю.Юлдашевым цифра не может дать представления о том, сколько "зарегистрированных" батраков было в ханстве в какой-либо определенный год.

²⁷¹ См.: О. А. Ш к а п с к и й, Аму-Дарьинские очерки, стр. 130.

(по крайней мере в XIX – начале XX в.) помимо общего значения, которое оно имело в это время в Средней Азии, – «крестьянин», «земледелец» – употреблялось еще в особом смысле, для обозначения батрака, нанимавшегося для выполнения как полевых, так и всяких других работ. Однако М.Ю.Юлдашев и в этом случае ухитрился поставить вещи с ног на голову; возражая А.Д.Куна, упоминавшему, что «жители сед называют себя дехкане», он заявляет: «В результате того, что основная масса крестьянства все более превращалась в батраков, слово «дехканин» в быту действительно отождествлялось с понятием селянина, однако такое отождествление их с научно-исторической точки зрения [/!/] неправильно» (стр. 39).

Остается еще выяснить, действительно ли М.Ю.Юлдашеву удалось «воссоздать совершенно не исследованную доселе систему поземельного налогообложения» (стр. 6). Следует заметить прежде всего, что выражение «совершенно не исследованная» по меньшей мере неточно. Налоговой системе Хивинского ханства были посвящены две статьи А.Д.Куна ²⁷² и специальный раздел в книге Гиршфельда и Галкина ²⁷³; о последней М.Ю.Юлдашев ничего не говорит, а о работах Куна отзывается весьма пренебрежительно (стр. 60–61). Между тем у этих авторов (а также у О.А.Шкапского) уже изложены почти все основные сведения о поземельном налоге и порядке его взимания, и М.Ю.Юлдашев по существу мало что смог к этому добавить, несмотря на то что в его распоряжении был большой документальный материал.

Единственный важный вопрос (в связи с поземельным налогом), по поводу которого М.Ю.Юлдашев попытался сказать нечто новое, – это вопрос о сборе салгута с арендаторов. Он сообщает (стр. 64, со ссылкой на А.Балтаева ²⁷⁴), что безземельные арендаторы были разделены на 3 разряда, из которых высший (обрабатывавшие 15 танапов) должен был платить 34 тенгги салгута, средний (10 танапов) – 2/3 этой суммы и низший (5 танапов) – 1/3 той же суммы. Далее он указывает на основании документов № 34 и С 699, что «фактически налоги были более высокими»: арендаторы платили по

²⁷² См.: «Туркестанские ведомости», 1873, №№ 32, 33.

²⁷³ Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, стр. 33–53.

²⁷⁴ Рук. Ин-та востоковедения АН УзССР № 9320, стр. 180–181.

I тилле с каждых 5 танапов. Как уже упоминалось выше, М.Ю.Юлдашев считает, что все без исключения арендаторы платили налог из такого расчета; при этом, если землевладелец принадлежал к такой категории лиц, которая была освобождена от уплаты салгута, то его арендаторы все равно платили этот налог.

В действительности нарисованная М.Ю.Юлдашевым картина либо вызывает сомнения, либо попросту неверна. Он не пытается анализировать сведения А.Балтаева, а между тем они не только взяты этим автором из не названного им источника, но и вообще не вполне понятны: кажется странной исходная цифра 34 тенгги, которая не составляется из нужных кратных величин, а это должно было бы создавать большие затруднения при сборе налога. М.Ю.Юлдашев не задумывается также над тем, почему фактические размеры налога были совсем иными. Что касается этих фактических размеров, то здесь дело обстояло не так, как говорит М.Ю.Юлдашев. Держатели государственной земли, а также часть арендаторов мульковых и вакуфных земель, действительно, платили по I тилле с 5 танапов – об этом свидетельствует опубликованный М.Ю.Юлдашевым документ С 699. Однако тот же самый документ показывает, что часть арендаторов мульковых и вакуфных земель платила салгут не с площади земли, а в зависимости от разряда, т.е. так же, как мулькдары (см.: стр. 71, стк. 16–18, 52; стр. 72, стк. 15; стр. 76, стк. 53; стр. 78, стк. 6; стр. 85, стк. 38–40, 44, 56; стр. 94, стк. 51; стр. 95, стк. 20, 31; стр. 96, стк. 17, 44, 48; стр. 104, стк. 40; стр. 105, стк. 25; стр. 106, стк. 34–37; стр. 108, стк. 25) ²⁷⁵. Значительная часть арендаторов, как уже говорилось выше, вообще не платила салгута. Неверно также утверждение, будто салгут платили все крестьяне, арендовавшие землю у тех лиц, которые сами были освобождены от салгута (у хана, сановников и др.). Это утверждение, помимо того что оно противоречит уже приведенным выше фактическим данным, свидетельствует о непонимании М.Ю.Юлдашевым характера салгута как земельного (а не подушного) налога и непонимании того, что освобождение феодала от земельного налога означало передачу ему государством соответствующей части земельной ренты с принадлежавших ему владений ²⁷⁶.

²⁷⁵ Ср. также: И ў л д о ш е в, стр. 109, 110, 114, 122, 127 (аналогичные данные в документе № 34).

²⁷⁶ Между прочим, М.Ю.Юлдашев не замечает противоречия, когда он, с одной стороны, утверждает, что налог с крупных мульковых владений взимался, но платили его арендаторы (стр.9), а с другой стороны, объясняет, что "главная причина сбора такой сравнитель-

Говоря о практике взимания салгута (которая изложена у него довольно сумбурно, см. стр. 67-68, 110-121), М.Ю.Юлдашев, не добавляя по существу почти ничего нового к данным Куна, Пикапского и Гиршфельда и Галкина, пытается продемонстрировать тяжесть налогового гнета, приводя сведения о размерах недоимок, заимствованные из налоговых реестров. Однако обработать эти цифровые данные он не смог, и самое большее, о чем говорят представленные им разрозненные цифры по отдельным мечетям, — это то, что недоимки вообще существовали ²⁷⁷ (ср. стр. 117, где сформулирован единственный вывод, основанный на рассмотрении цифр недоимок: "сбор налога производился в трудных условиях"). Громкие слова, которые говорятся на протяжении всей книги о невероятной тяжести земельного налога, остаются пустыми декларациями, так как не сопровождаются анализом реальных экономических условий жизни населения (в частности, уровня цен, доли земельной ренты в общей продукции крестьянского хозяйства и пр.) ²⁷⁸.

Наконец, совершенно невразумительно сказано у М.Ю.Юлдашева (стр. 121, 124-125) о натуральном налоге — даяке. Сведения об этом налоге, имеющиеся во многих документах архива хивинских ханов, им не проанализированы и даже не собраны, а данные русских авторов просто игнорируются ²⁷⁹; таким образом, он в этом вопросе не только не "воссоздал" нечто "совершенно не исследованное", но даже сделал шаг назад по сравнению с тем, что было известно ранее.

Остается еще добавить, что работа М.Ю.Юлдашева ²⁸⁰ отлича-

но небольшой суммы налога (примерно 40 000 тиллей салгута с ханства в целом) заключается в том, что крупные землевладельцы салгута не платили" (стр. 119).

²⁷⁷ В "Заключении" (стр. 131) говорится о "систематическом росте недоимок", но приводимые в тексте цифры такого явления не показывают.

²⁷⁸ Такого рода данные для XIX в. имеются или могут быть высчитаны.

²⁷⁹ На стр. 125 сказано только, что салгут был главным видом налогов, "но это не исключало поборов ^[?] натурой, которые проводились среди некоторой части ^[?] издольщиков. Однако анализ архивных тетрадей позволяет прийти к мнению о том, что официального натурального налога (хараджа) в Хиве в XIX в. уже не существовало". Термин даяк самим М.Ю.Юлдашевым вообще не упоминается (хотя он встречается в приводимых им цитатах из документов).

²⁸⁰ Это относится и ко всем предыдущим работам того же автора на данную тему; как уже отмечено выше, все они являются по существу одной и той же работой (или ее частями), т.е. его докторской диссертацией.

ется полным пренебрежением к научному справочному аппарату. В библиографии (стр. 133-135) и сносках масса ошибок в библиографических описаниях и неверных ссылок на цитируемую литературу и источники (некоторые из таких неверных ссылок были уже отмечены выше) ²⁸¹; М.Ю. Юлдашев ошибается даже в ссылках на свои собственные работы. Неверно подавляющее большинство ссылок на архивные документы: 1) документы архива хивинских ханов, хранившиеся ранее в Ленинграде, цитируются под номерами, присвоенными им в описании П.П. Иванова; между тем эти документы с конца 1962 г. находятся в Ташкенте, в ЦГА УзССР ²⁸², где в 1965 г. (за год до сдачи в набор книги М.Ю. Юлдашева) они получили новую архивную нумерацию ²⁸³; 2) документы архива А.Л. Куна, хранящегося в Ленинградском отделении Ин-та востоковедения АН СССР (Архив востоковедов, ф. 33; полная опись составлена в 1959 г.), цитируются только по номеру фонда (т.е. без номера описи, документа и листа!) ²⁸⁴. Между тем обоими этими фондами, как мне известно, М.Ю. Юлдашев неоднократно пользовался уже тогда, когда они имели существующую ныне нумерацию. В книге имеется приложение под заглавием "Фото-факсимиле отдельных листов из тетради С-699 архива хивинских ханов", содержащее фотографии 20 разрозненных страниц из этого документа; однако на них не обозначено, какие именно это страницы, так что факсимиле остается чем-то вроде загадочных картинок, не-обходимое отождествление которых, очевидно, предлагается сделать читателю ²⁸⁵. Указатели в книге отсутствуют (как они отсутство-

²⁸¹ Ошибки (в библиографических описаниях, цифрах страниц и листов, номерах документов и пр.) имеются в сносках на стр. 21, 22, 23, 36, 37, 38, 42, 46, 50, 51, 59, 62, 63, 67, III, 121.

²⁸² Об этом М.Ю. Юлдашев не считает нужным сообщить; на стр. 5 (прим. 1) сказано только: "Этот архив хранился ¹/ в фондах Ленинградской государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и в фондах Института народов Азии АН СССР"; в библиографии же (стр. 134) местонахождением архива хивинских ханов указан ИНА АН СССР ¹/.

²⁸³ См.: "Народы Азии и Африки", 1966, № 1, стр. 69.

²⁸⁴ Архив Куна был разобран и описан к 1959 г., когда входящие в его состав материалы получили новую нумерацию; тем не менее М.Ю. Юлдашев и после этого пользовался в своих статьях старой нумерацией (в одном случае она встречается и в новой книге: стр. 39, прим. 73), по которой документы сейчас найти невозможно.

²⁸⁵ Кстати, без обращения к подлиннику это почти невозможно сделать, потому что, как уже упоминалось выше, в переводе этого документа (стр. 69-109) листы отмечены и пронумерованы неверно.

вали и в изданной на узбекском языке докторской диссертации М.Ю.Юлдашева). Таким образом, состояние научного аппарата книги вполне соответствует ее содержанию.

Необходимо отметить, что М.Ю.Юлдашев внес и некоторый положительный вклад в исследование рассматриваемых здесь вопросов, однако этот вклад весьма незначителен и сводится к немногим частным фактическим наблюдениям по документам хивинского архива. Из сколько-нибудь существенных его достижений заслуживают упоминания следующие: 1) он обнаружил в ЛО ИВАН девять документов архива хивинских ханов, которые остались неизвестны П.П.Иванову (один из них, наиболее важный, — рукопись С 699, см. выше, стр. 44, — был указан ему А.К.Боровковым)²⁸⁶; 2) он правильно истолковал цифровые записи в документе № 34, которые не получили объяснения в описании П.П.Иванова²⁸⁷, и правильно определил содержание этого документа²⁸⁸; 3) он правильно отметил, что в 1272/1855–56 г. ханская казна заменяет разного рода натуральные выплаты денежными²⁸⁹. Все это по своему значению, конечно, не сопоставимо с той поистине вавилонской башней ошибок, которая нагромождена в его работах.

Сделанный выше разбор содержит далеко не полный перечень недостатков работы М.Ю.Юлдашева. Для перечисления и опровержения

²⁸⁶ Эти документы описаны в первой работе М.Ю.Юлдашева, написанной и опубликованной еще во время его пребывания в Ленинграде (см.: М. Ю. Ю л д а ш е в, Новые архивные источники по истории Средней Азии, — КСИА, М.—Д., 1951, вып. I, стр. 38–40). Во всех последующих работах М.Ю.Юлдашев писал, что он нашел в ЛО ИВАН "большое количество" (или "много") документов, в то время как Иванову была известна "только часть" архива (истинное соотношение, как видим: 9 — и 137!); имя Боровкова больше им не упоминалось.

²⁸⁷ В этом документе имеются 4 графы цифр, при которых стоят слова "высшая" /категория/, "средняя", "низшая", "всего"; однако цифры в графе "всего" не являются суммой цифр в предыдущих трех графах, а означают, как показал М.Ю.Юлдашев, сумму н а л о г а, получаемого с землевладельцев, количество которых указано в первых трех графах. П.П.Иванов в своем описании (Архив хивинских ханов, стр. 153–155) не обратил на это внимания. Нельзя не заметить, однако, что сам М.Ю.Юлдашев весьма преувеличивает свое достижение, называя его "расшифровкой".

²⁸⁸ Иванов отнес этот документ к кадастрам вакуфных земель, в то время как он представляет собой сводный реестр салгута.

²⁸⁹ См.: Ю л д о ш е в, стр. 315. Из этого наблюдения, однако, М.Ю.Юлдашев делает широкие выводы об экономическом развитии ханства, которые вряд ли можно считать обоснованными (ср.: Ю. Э. Б р е г е л ь, Хорезмские туркмены в XIX веке, стр. 370–371, прим. 216).

всех фактических ошибок, бездоказательных, противоречащих источникам и часто просто безграмотных утверждений, заполняющих его книгу, потребовалось бы написать работу, пожалуй, равную ей по объему. Пришлось, к сожалению, уделить ей так много внимания не потому, что она сама по себе этого заслуживает, а потому, что отдельные положения М.Ю.Юлдашева начинают без должной проверки повторяться в научной литературе, а его печатная продукция в целом находит иногда даже восторженную оценку²⁹⁰. В действительности его работы создают только иллюзию изученности того вопроса, которому они посвящены (что, пожалуй, хуже, чем неизученность), и при дальнейшем исследовании земельных отношений в Хивинском ханстве их можно будет принимать во внимание лишь в весьма незначительной степени.

+ +
+

На основании нашего обзора можно сделать вывод, что изучение земельных отношений в Хивинском ханстве находится по существу только в начальной стадии. Главным условием успеха этой работы является всестороннее исследование всех видов известных ныне источников (ср. выше, стр.30-32). Из них основным, конечно, будут документы, однако их анализ может дать удовлетворительные результаты только в том случае, если, во-первых, при этом будет использована вся совокупность известных сейчас документов каждого

²⁹⁰ Так, в недавно вышедшей книжке И.В.Погорельского "Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в. (1873-1917 гг.)" (Изд-во ЛГУ, 1968) содержатся следующие строки (стр. 8): "Работа, начатая П.П.Ивановым, была плодотворно продолжена, дополнена новыми открытиями документов и их исследованием М.Ю.Юлдашевым. Заслуга М.Ю.Юлдашева состоит не только в открытии, описании и подготовке к научному изданию документов архива хивинских ханов, но и в глубоком изучении этих документов. Исследование документов архива хивинских ханов послужило темой докторской диссертации М.Ю.Юлдашева, а затем обстоятельной монографии, в которой всестороннее изложение истории Хивы [??] доведено до 80-х годов XIX в. Исключительной по четкости изложения и научной доказательности является небольшая по объему работа этого же автора, появившаяся в самое последнее время (имеется в виду разобранная выше книга. - Ю.Б.). Исследования М.Ю.Юлдашева положили конец разнобою в оценках характера социально-экономического развития Хивы, номенклатуре должностных лиц и т.п.". В свете всего того, в чем читатель мог убедиться выше, подобная характеристика выглядит по меньшей мере юмористически. Сам М.Ю.Юлдашев, однако, относится к своим заслугам вполне серьезно (ср. разобранную мною книгу, стр. 5-6).

вида ²⁹¹ и, во-вторых, это будет связываться с анализом всех остальных видов источников (т.е. будут выполнены элементарные условия исторической критики). В частности, необходимо будет, как мне кажется, проделать следующую работу:

1. Исследовать сохранившиеся купчие и закладные на землю, акты об аренде, ярлыки о пожаловании земли, вакуфные грамоты и тарханные ярлыки; наиболее целесообразный путь такого исследования - подготовка публикации всех этих документов (очевидно, не в полном объеме, что вряд ли полезно и практически осуществимо, а в виде регест, таблиц, резюме и т.п., т.е. с использованием приемов, находящихся в настоящее время все большее применение в европейском источниковедении) ²⁹².

2. Исследовать: а) реестры по взиманию салгута (именные и сводные), б) подворные переписи, в) ирригационные реестры (ведомости количества су по мечетям), г) списки нукеров; при этом, по-видимому, придется первоначально весь материал этих реестров расписать на карточки (именные - по мечетям - по районам и округам) и уже на основании этой картотеки составить сводные статистические таблицы ²⁹³. При исследовании всех видов документов особое внимание должно быть обращено на терминологию и историческую топографию. Роспись материала реестров должна сочетаться с картографированием этого материала; вполне вероятно (говорить об этом

²⁹¹ Как отмечает А.А.Зимин, у историков Древней Руси "констатация отдельных явлений на "примере" того или иного акта, конечно, является уже пройденным этапом актового источниковедения" (А. А. З и м и н, Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, - сб. "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы", М., 1969, стр. 447; о необходимости охвата в с е х сохранившихся документов см. там же, стр. 443-444). К сожалению, источниковедение Средней Азии все еще находится на той стадии, которую русисты считают пройденной.

²⁹² О различных современных методах конденсированного, или "синтезированного", воспроизведения документов см., напр.: А. Д. Л ю б л и н с к а я, О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов, - сб. "Вспомогательные исторические дисциплины", I, Л., 1968, стр. 277-289; Л. Г. К а т у ш к и н а, Изучение и издание итальянских кадастров XV в., - там же, стр. 289-299.

²⁹³ Из статьи сотрудника ИВАН УзССР А.Джалилова (см.: О. Ж а л и л о в, Хива давлат архиви дафтарларининг расшифровкаси ҳақида, - "Обществ. науки в Узбекистане", 1962, № 11, стр. 73-74) видно, что в этом институте в секторе исследования и публикации документов велась роспись на карточки салгутных реестров; однако в этой статье не говорится о том, будут ли (и каким способом) сводиться воедино разнотипные картотеки, составленные по отдельным дафтарам, и предполагается ли дальнейшая статистическая обработка этого материала. Никаких более поздних сведений об этой работе в печати не появлялось.

с уверенностью пока преждевременно), что этот материал может быть также подвергнут обработке с применением математико-статистических методов ²⁹⁴.

3. Выбрать весь материал, связанный с земельными отношениями, из всех прочих документов (по всей вероятности, некоторые из них будут заслуживать полной или частичной публикации ²⁹⁵).

4. Сделать аналогичную выборку из всех остальных письменных источников (хивинских хроник, записок путешественников и пр.).

5. Свести воедино весь уже имеющийся этнографический материал и, насколько это возможно, провести специальное этнографическое обследование Хорезма ²⁹⁶.

²⁹⁴ О них см.: И. Д. К о в а л ь ч е н к о; О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях, -сб. "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы", стр. 115-133.

²⁹⁵ Упомянутый выше сектор исследования и публикации документов (возглавляемый М.Ю.Юлдашевым), как было объявлено, готовит издание всех документов архива хивинских ханов. Можно не сомневаться в том, что эта задача практически неосуществима (не говоря уже о том, что полное издание всех документов нецелесообразно; сама постановка такой задачи свидетельствует о непонимании современных методов источниковедения). Пока что за десять лет вышел только один том, включающий ничтожную часть документов, причем далеко не самых важных (7 дафтаров с записями расходов ханской казны; см. "XIX аср Хива давлат хужжатлари", II том, Ташкент, 1960); еще в 1963 г. было объявлено, что подготовлен также том I (дафтары с записями прихода и расхода зерна; см. "Обществ.науки в Узбекистане", 1963, № 10, стр. 39, прим. 1). Документы публикуются только в современной узбекской графике, что уже сильно обесценивает это издание; научный уровень издания (осуществляемого под руководством М.Ю.Юлдашева), как показывает вышедший том, весьма низок.

²⁹⁶ Это, пожалуй, труднее всего осуществимая задача из всех перечисленных. К настоящему времени в Хорезме уже почти не осталось людей, сознательная жизнь которых прошла (хотя бы частично) до революции; в особенности трудно найти лиц, работавших в хивинской администрации. Еще хуже то, что этнографы почти не участвуют в решении тех проблем, которые в интересующей нас области стоят перед историками. Работавшие в Хорезме этнографы целиком поглощены своими специфическими проблемами (вопросами этногенеза, историй материальной культуры, пережитками древних религиозных верований, изменениями в быте населения в новейшее время и пр.); в данном же случае от них требовалось бы, чтобы они доставили тот материал для решения чисто исторических вопросов, который историки не могут найти в письменных источниках, т.е. выполнили задачу, так сказать, вспомогательные (но отнюдь не менее важные). Еще в 1955 г. руководитель Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С.П.Толстов на одной из конференций, говоря как раз о такого рода задачах, заявил: "... С этнографическими материалами медлить нельзя, потому что те люди, у которых сохранились в памяти времена конца XIX в. и рассказы их отцов и дедов о более отдаленном прошлом, уйдут из жизни и нам уже не удастся восстановить эти утерянные крохи истории " ("Краткие сообщения

Уже этот перечень (который вряд ли можно считать исчерпывающим) показывает, что осуществление подобного рода работы, по-видимому, потребует объединения сил по крайней мере нескольких исследователей. К сожалению, приходится отметить, что ввиду крайнего недостатка квалифицированных научных кадров в области средневековой истории Средней Азии перспективы добиться такого объединения пока ничтожны.

Ин-та этнографии АН СССР", М., 1957, вып. XXVI, стр. 37); тем не менее даже руководимая С.П.Толстовым экспедиция почти ничего не сделала для осуществления его пожеланий, и можно опасаться, что время уже упущено.